

АГЕНТСТВО
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

№4 (4)

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА**

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2018

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

электронный научный журнал

№4 (4)

Москва, 2018

УДК 81'23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619-0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс] : электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 4 (4). – Электрон, текстовые дан. (3,3 МВ). – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области психолингвистики и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области психолингвистики и психологии, преподавателей, аспирантов и студентов.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(925)46-555-81
e-mail: orgpsyling@sh-technology.ru
<http://www.sh-technology.ru>

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).
Архив номеров доступен
<http://www.sh-technology.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мышкин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН РФ (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Россия, Канада)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, член Российской психолингвистической ассоциации (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН РФ (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Бахтикиреева Улданай Максutowна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Вашунина Ирина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (город Чини, США)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Республика Беларусь)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Института дополнительного профессионального образования ДТиСЗН г. Москвы (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль, Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Григорьев А.А., Лаптева Е.М.</i> Задача семантической беглости с различными лексико-семантическими категориями: факторы выполнения и проблема общности модели поиска	8
---	---

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

<i>Захарова М.В.</i> Иронические регулятивы в профессиональной коммуникации	29
<i>Мыскин С.В., Лычагина Д.В.</i> Влияние особенностей социально-ролевой организации медицинских работников на их профессиональное общение	48
<i>Ярыгина Е.С.</i> Особенности современного педагогического дискурса (на материале лекций из современных лингвистических курсов русского языка)	66

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Зубкова Ю.В.</i> Стратегии реализации прагматического потенциала англоязычных PR-текстов международных компаний	86
Об авторах.....	103
Информация для авторов.....	104

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUES

OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

- Grigorjev A., Lapteva E.* Semantic fluency task with different semantic categories: factors of fulfilment and the problem of generality of the search model 8

EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

- Zakharova M.* Ironic communication program in professional communication 29
- Myskin S., Lychagina D.* The influence of social role of medical workers on their professional communication 48
- Yarygina E.* Features of modern pedagogical discourse (by the material of lectures from modern linguistic courses of the Russian language) 66

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE

OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

- Zubkova Yu.* Strategies for realizing the pragmatic potential of PR-texts in English of international companies 86
- About Authors**..... 103
- Information for Authors**..... 104

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / CONCEPTUAL ISSUES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

А.А. Григорьев

*доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник
лаборатории психологии
и психофизиологии творчества
Института психологии РАН
129 366, Ярославская ул., д.13, к.1,
г. Москва, Россия*

Е.М. Лаптева

*кандидат психологических наук,
научный сотрудник лаборатории психологии
и психофизиологии творчества
Института психологии РАН
129 366, Ярославская ул., д.13, к.1,
г. Москва, Россия
E-mail: ek.lapteva@gmail.com*

ЗАДАЧА СЕМАНТИЧЕСКОЙ БЕГЛОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ: ФАКТОРЫ ВЫПОЛНЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ОБЩНОСТИ МОДЕЛИ ПОИСКА

В статье представлены результаты исследования роли психолингвистических переменных (возраста усвоения слов, частотности слов, образности слов и знакомости соответствующих объектов) как факторов выполнения задачи семантической беглости – задачи перечисления в течение определенного времени объектов, входящих в лексико-семантическую категорию (членов категории) – и оценки общности модели поиска информации при выполнении этой задачи, апробированной в исследованиях других авторов на небольшом числе категорий. Эти результаты состоят в следующем. (1) Было показано, что ранее усваиваемые, более частотные, образные и знакомые члены

категорий упоминаются в задаче семантической беглости чаще. (2) Не удалось выявить независимый от степени кластеризации категорий вклад психолингвистических переменных в предсказание продуктивности категории – среднего количества членов категории, перечисляемых респондентами в ходе выполнения задачи семантической беглости. Такой результат можно объяснить малочисленностью выборки категорий, обусловленной тем, что лишь для небольшого числа категорий имелись необходимые данные, а также высокой корреляцией продуктивности и степени кластеризации категории. (3) Путем анализа индивидуальных данных о числе перечисленных членов каждой категории было получено свидетельство в пользу общности, апробированной на небольшом числе лексико-семантических категорий, модели поиска информации при выполнении задачи семантической беглости.

Ключевые слова: семантическая беглость, психолингвистические переменные, лексико-семантические категории, категориальные нормы, поиск информации.

A. Grigorjev, E. Lapteva

SEMANTIC FLUENCY TASK WITH DIFFERENT SEMANTIC CATEGORIES: FACTORS OF FULFILMENT AND THE PROBLEM OF GENERALITY OF THE SEARCH MODEL

In the article, the results of the study of the role of the psycholinguistic variables (age of word acquisition, word frequency, word imageability and object familiarity) as factors of fulfillment of semantic fluency task, in which objects belonging to a semantic category are generated during certain time, and of estimating of generality of the model of information search when this task is fulfilled, which was tested by other researchers on few categories, are presented. These results are as follows. (1) It has been shown, that more early acquired, more frequent, imageable and familiar category members are generated more often in semantic fluency task. (2) We failed to reveal contribution of psycholinguistic variables over and above the degree of category clustering into the prediction of category potency (an average number of category members generated in fulfillment of category fluency task). This result can be explained by small sample of categories, which is due to the fact that only for few categories the necessary data were available, and

by strong correlation of potency and the degree of category clustering. (3) By means of analysis of individual data about numbers of generated members for each category, an evidence for generality of the model of information search when semantic fluency task is fulfilled, which has been tested on few semantic categories, has been obtained.

Keywords: semantic fluency, psycholinguistic variables, semantic categories, category norms, information search.

В редакционной статье первого номера данного журнала очерчены контуры проблематики организационной психолингвистики [4]. В статье Е.Ф. Тарасова в этом же номере рассматриваются вопросы, связанные с построением теории этой дисциплины [5]. В ходе разворачивающихся в ней исследований выявляются прикладные задачи, которые могут быть решены ее средствами.

По нашему мнению, одной из таких задач является разработка средств определения профессиональной пригодности к профессиям, предъявляющим требования к вербальным способностям. Эта разработка, разумеется, должна опираться на знания о факторах, влияющих на решение соответствующих тестовых задач о механизмах их выполнения. В настоящей статье под этим углом зрения рассматривается одна из таких тестовых задач, использующая пока преимущественно (к сожалению!) в клинике – задача семантической беглости.

В этой задаче испытуемых просят перечислить в течение определенного времени объекты, входящие в некоторую лексико-семантическую категорию (члены категории), например, перечислить фрукты. В многочисленных исследованиях с этой задачей используется, как правило, одни и те же лексико-семантические категории. Чаще всего

используется только одна категория – «животное» [напр., 11; 12; 13; 14;15]. Иногда к ней добавляются некоторые другие: «фрукты и ягоды» [1; 3]; «птицы», «пища», «холодные блюда» [9]; «фрукты и овощи», «транспортные средства» [10] и т.д.

Авторы таких работ считают, что полученные результаты позволяют делать выводы о структуре семантической памяти и процессе семантического поиска, о структуре репрезентации лексико-семантических категорий в норме и патологии и т.д. Так, была предложена следующая модель структуры репрезентации лексико-семантических категорий и поиска информации при выполнении задачи семантической беглости. Члены категорий сгруппированы в памяти в объединенные на некотором основании подкатегории (например, в случае категории «животное» это могут «домашние животные», «большие животные»); семантический поиск состоит из отыскания подкатегории (переключения с одной подкатегории на другую), что обычно требует времени, и перечисления членов категории, входящих в подкатеорию, что осуществляется быстро. Будем называть в дальнейшем эту модель моделью двухэтапного поиска.

Получается, что широкие заключения делаются по результатам, полученным на небольшом числе категорий, чаще – на одной. Насколько это оправдано?

Этот вопрос представляется вполне обоснованным в свете данных, представленных в категориальных нормах, при сборе которых фактически используется задача семантической беглости¹. В этих нормах обычно приводятся показатели для нескольких десятков лексико-

¹ Подробнее о процедуре сбора данных для категориальных норм см., например, в [2].

семантических категорий и их членов [см., напр., 2; 7; 17]. Одним из таких показателей является среднее количество объектов, перечисляемых респондентами в единицу времени (будем называть этот показатель продуктивностью категории; в англоязычных категориальных нормах используется термин *potency*). Категории различаются по этому показателю, причем эти различия характеризуются географической и временной стабильностью. Например, продуктивность 22-х категорий в категориальных нормах для английского языка, собранных в 1960-х годах, коррелирует с продуктивностью соответствующих категорий в категориальных нормах для русского языка, собранных в 1999-2001 годах [2].

В категориальных нормах для русского языка [Там же] представлены также данные о степени кластеризации категорий. Согласно этим данным, категории различаются по количеству кластеров (подкатегорий), в которые объединяются их члены (эти количества определялись путем анализа ответов респондентов по специальному алгоритму). Как показывают расчеты, число подкатегорий в категории весьма тесно связано с ее продуктивностью. Степень кластеризации является, по всей видимости, важным фактором продуктивности категории, что согласуется с двухэтапной моделью.

Степень кластеризации объясняет около 70% вариации категорий по продуктивности. Какие факторы могут объяснить некоторую часть из оставшихся 30% вариации? Оценка эффектов некоторых из возможных факторов составляет одну из задач данного исследования.

Второй задачей является оценка общности, апробированной на небольшом числе лексико-семантических категорий, модели

двухэтапного поиска, согласно которой извлечение из семантической памяти членов категории состоит из отыскания подкатегории, что требует времени, и быстрого «пробегания» содержимого этой подкатегории. Между категориями существуют структурные различия [Там же]. Можно ли полагать, что процесс извлечения членов категории один и тот же при перечислении членов структурно различных категорий? Проверку общности данной модели можно осуществить следующим образом. Если процессы извлечения информации в случае разных категорий различаются, можно ожидать *межиндивидуальной* вариации, связанной с типом структуры категории: обусловленные им различия в процессе извлечения могут давать преимущества индивидам, у которых соответствующие навыки хорошо сформированы. Это выразится в выделении специфических факторов при факторном анализе индивидуальных данных. Если такие факторы выделятся, это будет указывать на различия в механизмах семантического поиска в случае структурно различных категорий и, соответственно, не согласовываться с предположением об общности модели семантического поиска. Отсутствие же специфических факторов в факторном решении позволит оставить предположение об общности модели семантического поиска в силе.

Факторы продуктивности категорий

Психолингвистические переменные, такие как частотность слов и возраст их усвоения, являются предикторами скорости называния изображенных объектов, чтения слов, лексического решения [см. напр.,

16]. Можно предположить, что эти переменные играют роль и при выполнении задачи семантической беглости. Они могут быть фактором изменчивости вероятности называния тех или иных членов категории и изменчивости категорий по продуктивности. Мы оценим их роль, рассмотрев, во-первых, их связи с вероятностью упоминания членов категорий в категориальных нормах и, во-вторых, их эффективность как дополнительных к степени кластеризации категории предикторов продуктивности категории. Гипотезы данного исследования состоят в том, что (а) вероятность называния членов категории, оцениваемая по частоте их называния, будет коррелировать с психолингвистическими переменными и (б) психолингвистические переменные вносят независимый от степени кластеризации вклад в предсказание продуктивности категорий.

Метод

Анализировались 10 лексико-семантических категорий: «четвероногое животное», «фрукт», «овощ», «музыкальный инструмент», «предмет мебели», «предмет одежды», «инструмент плотника», «вид транспортного средства», «птица» и «кухонная посуда». Число включенных в анализ членов категорий варьировало от 6 («овощ») до 30 («4-ногое животное»). Отбор категорий и их членов диктовался следующим: (1) по категории должны иметься данные о степени кластеризации и (2) для членов категорий должны иметься значения по

одной из психолингвистических переменных – объективному возрасту усвоения слов².

Рассматривались четыре психолингвистические переменные: объективный возраст усвоения слов, частотность слов, образность слов и знакомость соответствующих объектов. Значения этих переменных взяты из [8]. Объективный возраст усвоения определялся путем предъявления изображений предметов детям разных возрастов, дети должны были называть изображенные предметы. Используются данные о частотности слов из частотного словаря современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Образность и знакомость слов оценивались путем опроса респондентов. Образность слов оценивалась респондентами по семибалльной шкале (7 – слово очень легко вызывает образ, 1 – очень трудно создать образ), знакомость – по пятибалльной шкале (5 – объект очень хорошо знаком, 1 – совсем незнаком). Данные о частоте упоминания членов категорий и о продуктивности категорий взяты из [2]. Очевидно, можно ожидать, что продуктивность категорий и частота упоминания их членов будут отрицательно коррелировать с возрастом усвоения и положительно – с частотностью и образностью слов, а также со знакомостью соответствующих объектов.

Результаты

Для оценки связи психолингвистических переменных с вероятностью упоминания членов категорий в категориальных нормах

² Различают «объективный» и «субъективный» возраст усвоения слов: первый определяется путем предъявления детям изображений с просьбой назвать изображенные предметы; второй – путем опроса взрослых испытуемых о возрасте, в котором, по их мнению, они или их дети усваивают те или иные слова.

были рассчитаны коэффициенты корреляции частоты упоминания членов категорий с четырьмя психолингвистическими переменными для всех 10 категорий. Корреляции с возрастом усвоения варьировали от – 0,825 до 0,605 (среднее –0,362, 95% доверительный интервал –0,663; – 0,060), с частотностью от –0,312 до 0,833 (среднее 0,304, 95% доверительный интервал 0,048; 0,560), с образностью от –0,293 до 0,816 (среднее 0,383, 95% доверительный интервал 0,147; 0,619) и со знакомостью от 0,224 до 0,873 (среднее 0,551, 95% доверительный интервал 0,405; 0,697). Только две из корреляций с возрастом усвоения оказались положительными и только две из корреляций с частотностью – отрицательными. Таким образом, полученные результаты соответствуют тому, что ожидалось: ранее усваиваемые, более частотные, образные и знакомые члены категорий упоминаются в задаче семантической беглости чаще.

Для оценки роли психолингвистических переменных как дополнительных к степени кластеризации категории предикторов продуктивности были рассчитаны средние значения членов категорий по четырем психолингвистическим переменным для каждой из 10 категорий. Эти средние вместе с продуктивностью и степенью кластеризации категорий представлены в таблице 1.

Таблица 1

Продуктивность и степень кластеризации 10 категорий, средние значения возраста усвоения, частотности, образности и знакомости их членов

Категория	П	СК	ВУ	Ч	О	З
Четвероногое животное	8,26	11	54,22	27,20	6,62	1,91

Фрукт	7,16	7	60,05	12,37	6,76	3,29
Овощ	6,99	6	60,50	22,15	6,70	3,15
Музыкальный инструмент	7,37	5	108,56	12,83	6,36	1,83
Предмет мебели	8,05	9	61,21	143,88	6,67	3,99
Предмет одежды	8,66	11	77,28	35,04	6,60	3,22
Инструмент плотника	5,09	0	92,67	9,88	6,25	1,59
Вид транспортного средства	7,08	7	54,36	87,41	6,61	2,65
Птица	8,45	11	72,18	13,61	6,57	1,63
Кухонная посуда	7,53	10	69,38	37,37	6,63	3,43

П – продуктивность категории; СК – степень кластеризации категории; ВУ – средний возраст усвоения членов категории; Ч – средняя частотность членов категории; О – средняя образность членов категории; З – средняя знакомость членов категории.

Table 1

Potency and degree of clustering for 10 categories, mean ages of acquisition, frequencies, imageabilities and familiarities of their members

Category	P	DC	AoA	Fr	I	Fam
A four-footed animal	8.26	11	54.22	27.20	6.62	1.91
A fruit	7.16	7	60.05	12.37	6.76	3.29
A vegetable	6.99	6	60.50	22.15	6.70	3.15
A musical instrument	7.37	5	108.56	12.83	6.36	1.83
An article of furniture	8.05	9	61.21	143.88	6.67	3.99
An article of clothing	8.66	11	77.28	35.04	6.60	3.22
A carpenter's tool	5.09	0	92.67	9.88	6.25	1.59
A type of vehicle	7.08	7	54.36	87.41	6.61	2.65

A bird	8.45	11	72.18	13.61	6.57	1.63
A kitchen utensil	7.53	10	69.38	37.37	6.63	3.43

P – category potency; DC – degree of category clustering; AoA – mean ages of acquisition of category members; Fr – mean frequencies of category members; I – mean imageabilities of category members; Fam – mean familiarities of category members.

Как можно видеть в таблице 1, категории обнаруживают значительную вариацию по всем психолингвистическим переменным. Например, средний возраст усвоения названий четвероногих животных составляет 54,22 месяца, а названий музыкальных инструментов 108,56 месяца, названия музыкальных инструментов, таким образом, усваиваются, в среднем, примерно на четыре с половиной года позже названий четвероногих животных; средняя знакомость предметов мебели составляет 3,99, а инструментов плотника – всего 1, 59.

Интеркорреляции показателей из таблицы 1 представлены в таблице 2.

Таблица 2

Интеркорреляции показателей из таблицы 1

	СК	ВУ	Ч	О	З
П	0,945	-0,311	0,230	0,545	0,260
СК		-0,500	0,225	0,653	0,318
ВУ			-0,414	-0,842	-0,476
Ч				0,313	0,591
О					0,700

П – продуктивность категории; СК – степень кластеризации категории; ВУ – средний возраст усвоения членов категории; Ч – средняя частотность членов категории; О – средняя образность членов категории; З – средняя знакомость членов категории.

Table 2

Intercorrelations of variables from Table 1

	DC	AoA	Fr	I	Fam
P	0.945	-0.311	0.230	0.545	0.260
DC		-0.500	0.225	0.653	0.318
AoA			-0.414	-0.842	-0.476
Fr				0.313	0.591
I					0.700

P – category potency; DC – degree of category clustering; AoA – mean ages of acquisition of category members; Fr – mean frequencies of category members; I – mean imageabilities of category members; Fam – mean familiarities of category members.

Как можно видеть в таблице 2, с продуктивностью категории наиболее высоко коррелирует степень кластеризации категории (0,945). Это выше корреляции, полученной на более широком множестве категорий (22 категории) значению (0,838). Остальные корреляции с продуктивностью категории значительно ниже: следующей по величине является корреляция со средней образностью членов категории (0,545). Довольно высоко (отрицательно) коррелируют между собой средний возраст усвоения и средняя образность членов категорий (-0,842).

Для оценки того, вносят ли рассматриваемые психолингвистические переменные независимый от степени кластеризации вклад в предсказание продуктивности категорий, в регрессионное уравнение для ее предсказания вводились все возможные комбинации этих переменных. Ни одна из них значимо не повысила точность предсказания. Этот результат, однако, нельзя считать опровергающим гипотезу о влиянии психолингвистических переменных

на продуктивность категории. При столь малой выборке категорий (10) и столь высокой корреляции продуктивности со степенью кластеризации (0,945) выявление независимого от степени кластеризации вклада в предсказание продуктивности является крайне маловероятным. К сожалению, те данные о возрасте усвоения слов, которыми мы пользовались, обусловили именно эту выборку категорий.

Таким образом, проведенный анализ роли психолингвистических переменных показал, что психолингвистические переменные коррелируют с вероятностью называния слова в задаче семантической беглости. Однако, он оставил открытым вопрос о связи психолингвистических переменных с продуктивностью категории.

Оценка общности модели двухэтапного поиска

Метод

Для проверки общности модели двухэтапного поиска были использованы данные, полученные при обработке материала, собранного с целью составления категориальных норм для русского языка [2]. А именно, были использованы индивидуальные данные о числе перечисленных членов каждой категории. Были проанализированы данные по 22 категориям: «драгоценный камень», «четвероногое животное», «вид ткани», «цвет», «вид спорта», «наука», «рыба», «родственник», «часть здания», «цветок», «дерево», «профессия», «фрукт», «овощ», «музыкальный инструмент», «предмет мебели»,

«предмет одежды», «инструмент плотника», «вид транспортного средства», «птица», «кухонная посуда» и «металл».

Результаты

Целью анализа было оценить, задействуются один или различные механизмы поиска информации при перечислении членов структурно различных категорий. Результаты, говорящие о действии одного механизма, укажут на возможность использования единой модели для описания поиска информации, в частности, модели двухэтапного поиска. Напротив, результаты, свидетельствующие о множественности механизмов, укажут на необходимость разработки отдельных моделей для разных типов структуры категорий.

С целью оценки того, насколько имеющиеся данные согласуются с одной или другой из этих возможностей, был проведен факторный анализ этих данных. Результаты факторного анализа, состоящие в том, что выделится главный фактор – аналог генерального фактора в исследованиях структуры интеллекта, и не выделятся специфические факторы, трактовались как свидетельство в пользу единства механизма поиска информации при перечислении членов структурно различных категорий и, соответственно, возможности использования общей модели. Использовался метод главных компонент, рассматривались результаты, полученные без вращения факторов – следуя практике выделения генерального фактора в исследованиях структуры интеллекта [см. 6, с.52].

Выделилось четыре фактора с собственными значениями больше 1. Величины собственных значений были равны 9,893, 1,380, 1,176 и 1,018. Можно видеть, что большой «перепад» имеет место только между собственными значениями первого и второго факторов. Эти факторы объяснили 44,966, 6,275, 5,343 и 4,628 процентов суммарной дисперсии, соответственно. То, что первый фактор объясняет больше 40% дисперсии, является одним из критериев, на основании которых он может считаться генеральным [Там же].

Мы рассмотрели также факторные нагрузки категорий по этим факторам. Нагрузки всех категорий по первому фактору были положительными и достаточно большими (минимальная, равная 0,469, была у категории «металл»). Наличие положительных нагрузок всех или подавляющего большинства заданий теста по первому фактору является вторым из критериев, на основании которых он может получить статус генерального [Там же].

Эти результаты свидетельствуют, что при перечислении членов разных категорий действует единый механизм поиска информации.

Только две категории, «инструмент плотника» и «металл», имели значительные нагрузки (0,605 и 0,557) по второму фактору. Только одна категория, «вид ткани», имела значительную нагрузку (0,652) по третьему фактору. По четвертому фактору самая большая по абсолютной величине нагрузка равнялась 0,456, ею характеризовалась категория «наука». На основании всего этого можно лишь предположить наличие слабых специфических факторов. Наиболее вероятный из них указывает на общность специфики категорий «инструмент плотника» и «металл».

Таким образом, результаты факторного анализа достаточно определенно указывают на то, что при выполнении задачи семантической беглости на разных категориях действует один механизм поиска информации, и дают лишь слабые намеки на действие других механизмов. Использование общей модели для описания поиска информации при перечислении членов структурно различных категорий представляется, таким образом, возможным.

Литература

1. *Алфимова М.В.* Семантическая вербальная беглость: нормативные данные и особенности выполнения задания больными шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 3. С. 20-25.
2. *Григорьев, А.А.* Репрезентация лексических категорий в сознании носителя языка. М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. 179 с.
3. *Дроздова К.А., Рупчев Г.Е., Семенова Н.Д.* Нарушение вербальной беглости у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25. № 4. С. 9-19.
4. *Мыскин С.В.* От редактора // Организационная психолингвистика. 2018. № 1 (1). С. 8-10.
5. *Тарасов Е.Ф.* К построению теории организационной психолингвистики // Организационная психолингвистика. 2018. № 1 (1). С. 11-20.

6. Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2011. 463 с.

7. Battig W.F., Montague W.E. Category norms for verbal items in 56 categories: A replication and extension of the Connecticut norms // Journal of Experimental Psychology. 1969. V. 80. P. 1-46.

8. Grigoriev A., Oshhepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. 2013. V. 45. № 4. P. 1208-1217.

9. Gruenwald P.J., Lockhead G.R. The free recall of category examples // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory, 1980. V. 6. № 3. P. 225-240.

10. Kavé G., Shalmon M., Knafo A. Environmental contribution to preschoolers' semantic fluency // Developmental Science. 2013. V. 16. № 1. P. 124-135.

11. Ryu S.-H., Kim R.W., Kim S., Park J.H., Kim T.H., Jeong H.-G., Kim J.L., Moon S.W., Bae J.N., Yoon J.C., Choo I.Y., Lee D.W., Chang S.M., Jhoo J.H., Kim S.-K., Cho M.J. Normative study of the category fluency test (CFT) from nationwide data on community-dwelling elderly in Korea // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2012. V. 54. P. 305-309.

12. Sherman A.M., Massman P.J. Prevalence and correlates of category versus letter fluency discrepancies in Alzheimer's disease // Archives of Clinical Neuropsychology. 1999. V. 14. № 5. P. 411-418.

13. Sumiyoshi C., Ertugrul A., Yagcioglu A.E.A., Sumiyoshi T. Semantic memory deficits based on category fluency performance in schizophrenia:

Similar impairment patterns of semantic organization across Turkish and Japanese patients // *Psychiatry Research*. 2009. V. 167. P. 47-57.

14. *Sumiyoshi C., Matsui M., Sumiyoshi T., Yamashita I., Sumiyoshi S., Kurachi M.* Semantic structure in schizophrenia as assessed by the category fluency test: Effect of verbal intelligence and age of onset // *Psychiatry Research*. 2001. V. 105. P. 187-199.

15. *Tombaugh T.N., Kozak J., Rees L.* Normative data stratified by age and education for two measures of verbal fluency: FAS and animal naming // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 1999. V. 14. № 2. P. 167-177.

16. *Turner J.E., Valentine T., Ellis A.W.* Contrasting effects of age of acquisition and word frequency on auditory and visual lexical decision // *Memory & Cognition*. 1998. V. 26. № 6. P. 1282-1291.

17. *Van Overschelde J.P., Rawson K.A., Dunlosky J.* Category norms: An updated and expanded version of the Battig and Montague (1969) norms // *Journal of Memory and Language*. 2004. V. 50. P. 289-335.

References

1. *Alfimova M.V.* Semanticheskaya verbal'naya beglost': normativnye dannye i osobennosti vypolneniya zadaniya bol'nymi shizofreniej [Semantic verbal fluency: normative data and task performance in a schizophrenic sample]// *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya*. [Social and clinical psychiatry]. 2010. T. 20. № 3. S. 20-25.

2. *Grigor'ev, A.A.* Rezentatsiya leksicheskikh kategorij v soznanii nositelya yazyka. [The representation of lexical categories in the consciousness of native speaker]. M.: In-t yazykoznanija RAN, 2004. 179 s.
3. *Drozdova K.A., Rupchev G.E., Semenova N.D.* Narushenie verbal'noj beglosti u bol'nyh shizofreniej [Verbal fluency deficit in schizophrenia] // Social'naya i klinicheskaya psihiatriya. [Social and clinical psychiatry]. 2015. T. 25. № 4. S. 9-19.
4. *Myskin S.V.* Ot redaktora [Editorial] // Organizacionnaya psiholingvistika. [Organizational psycholinguistics]. 2018. № 1 (1). S. 8-10.
5. *Tarasov E.F.* K postroeniyu teorii organizacionnoj psiholingvistiki [To the construction of a theory of organizational psycholinguistics] // Organizacionnaya psiholingvistika. [Organizational psycholinguistics]. 2018. № 1 (1). S. 11-20.
6. *Ushakov D.V.* Psihologiya intellekta i odarennosti. [Psychology of intelligence and giftedness]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2011. 463 s.
7. *Battig W.F., Montague W.E.* Category norms for verbal items in 56 categories: A replication and extension of the Connecticut norms // Journal of Experimental Psychology. 1969. V. 80. P. 1-46.
8. *Grigoriev A., Oshhepkov I.* Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables // Behavior Research Methods. 2013. V. 45. № 4. P. 1208-1217.
9. *Gruenwald P.J., Lockhead G.R.* The free recall of category examples // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory, 1980. V. 6. № 3. P. 225-240.

10. *Kavé G., Shalmon M., Knafo A.* Environmental contribution to preschoolers' semantic fluency // *Developmental Science*. 2013. V. 16. № 1. P. 124-135.

11. *Ryu S.-H., Kim R.W., Kim S., Park J.H., Kim T.H., Jeong H.-G., Kim J.L., Moon S.W., Bae J.N., Yoon J.C., Choo I.Y., Lee D.W., Chang S.M., Jhoo J.H., Kim S.-K., Cho M.J.* Normative study of the category fluency test (CFT) from nationwide data on community-dwelling elderly in Korea // *Archives of Gerontology and Geriatrics*. 2012. V. 54. P. 305-309.

12. *Sherman A.M., Massman P.J.* Prevalence and correlates of category versus letter fluency discrepancies in Alzheimer's disease // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 1999. V. 14. № 5. P. 411-418.

13. *Sumiyoshi C., Ertugrul A., Yagcioglu A.E.A., Sumiyoshi T.* Semantic memory deficits based on category fluency performance in schizophrenia: Similar impairment patterns of semantic organization across Turkish and Japanese patients // *Psychiatry Research*. 2009. V. 167. P. 47-57.

14. *Sumiyoshi C., Matsui M., Sumiyoshi T., Yamashita I., Sumiyoshi S., Kurachi M.* Semantic structure in schizophrenia as assessed by the category fluency test: Effect of verbal intelligence and age of onset // *Psychiatry Research*. 2001. V. 105. P. 187-199.

15. *Tombaugh T.N., Kozak J., Rees L.* Normative data stratified by age and education for two measures of verbal fluency: FAS and animal naming // *Archives of Clinical Neuropsychology*. 1999. V. 14. № 2. P. 167-177.

16. *Turner J.E., Valentine T., Ellis A.W.* Contrasting effects of age of acquisition and word frequency on auditory and visual lexical decision // *Memory & Cognition*. 1998. V. 26. № 6. P. 1282-1291.

17. *Van Overschelde J.P., Rawson K.A., Dunlosky J. Category norms: An updated and expanded version of the Battig and Montague (1969) norms //Journal of Memory and Language. 2004. V. 50. P. 289-335.*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ / EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

УДК 811.161.1

М.В. Захарова

*кандидат филологических наук, доцент,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
e-mail: mary-zaharova@yandex.ru*

ИРОНИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена роли иронии в профессиональной коммуникации. Ставятся следующие вопросы: статус иронии в профессиональной коммуникации, профессиональные сферы, допускающие и отвергающие использование иронии, цели и задачи использования иронии в профессиональном общении. Для большей объективности описания вводится понятие «иронический регулятив», позволяющие описывать иронию не с точки зрения ее формальных проявлений, а со стороны речевой программы субъекта коммуникативного воздействия. Под ироническим регулятивом подразумевается такой тип внутренней речевой программы субъекта речи, при котором использование иронии становится программным способом решения коммуникативной и общепрофессиональной задачи.

В процессе исследования автор приходит к следующим выводам: иронические регулятивы неприемлемы в официальных формах профессиональной коммуникации, однако в процессе неформального профессионального общения, а также в процессе осуществления профессиональной деятельности в различных сферах использование иронического регулятива часто является не только допустимым, но и стратегически необходимым, так как позволяет менее болезненно

разрешать конфликтные и стрессовые ситуации. В некоторых профессиональных сферах иронический регулятив становится практически обязательным условием высоко профессиональной коммуникации за пределами зоны формализованного официального делового взаимодействия.

Ключевые слова: ирония, стратегический регулятив, профессиональная коммуникация, конфликтная ситуация, коммуникативное взаимодействие.

M. Zakharova

IRONIC COMMUNICATION PROGRAM IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article is devoted to the role of irony in professional communication. The following questions are raised: the status of irony in professional communication, professional areas that allow and reject the use of irony, goals and objectives of the use of irony in professional communication. For greater objectivity of the description the concept "ironic regulative" (ironic communication program) is entered, allowing to describe irony not from the point of view of its formal displays, and from the speech program of the subject of communicative influence. The ironic regulative means a type of internal speech program of the subject of speech, in which the use of irony becomes a software way of solving communicative and professional tasks.

In the process of research the author comes to the following conclusions: ironic communication program is unacceptable in official forms of professional communication, however, in the process of informal professional communication, as well as in the process of professional activity in various fields, the use of ironic regulations is often not only acceptable, but also strategically necessary, as it allows to resolve conflict and stress situations less painfully. In some professional areas, ironic regulation becomes almost a prerequisite for highly professional communication outside the formal official business interaction zone.

Keywords: irony, strategic communication program, professional communication, conflict situation, communicative interaction.

Сущность иронического стратегического регулятива

Понятие регулятива было введено в лингвистику А.А. Романовым в 1988 году. В его понимании регулятив — это «внутренняя «программная база» («программное обеспечение разума») говорящего субъекта, отражающая результаты речевого поведения участников диалогического взаимодействия и способ репрезентации влияния (воздействия) партнеров друг на друга» [7]. Подразделяя регулятивы на три типа: категориальные, стратегические и ассоциативные, он понимает стратегический регулятив как внутреннюю программу субъекта речи, определяющую способы воздействия на адресатов коммуникации для достижения поставленной цели: «что делать в данной ситуации, чтобы добиться желаемого результата» [Там же].

Применение представления о стратегическом регулятиве при анализе иронической стратегии в сфере профессиональной коммуникации, на наш взгляд, весьма целесообразно и эффективно, так как позволяет описывать иронию не с точки зрения ее формальных проявлений, а со стороны речевой программы субъекта коммуникативного воздействия. Это обусловлено как самой природой иронии, так и особенностями профессиональной коммуникации в целом. Если профессиональная коммуникация чаще всего понимается как сфера делового общения, в которой однозначность интерпретации сообщаемого и прозрачность коммуникативного посыла представляется нам определяющими характеристиками, то ирония, напротив, предполагает намеренную некогерентность формального содержания высказывания и фактической коммуникативной интенции его автора. Как отмечают исследователи, в утилитарном, игровом дискурсе, в интернет-

коммуникации, газетной риторике ирония чаще всего является для субъекта речи способом выделения себя из группы, дистанцирования от менее образованных собеседников, скрытого выражения агрессии или несогласия, а также поиска единомышленников - своеобразным сигналом «свой-чужой» [С.Н. Балашов, С.В. Доронина, О.П. Ермакова, А.Г. Козинцев, Р. Мартин, С.И. Походня, К.М. Шилихина, О.М. Фархитдинова, В. Янкелевич, S. Attardo, K. Barbe, C. Brooks, C. Colebrook, R. Giora, S. Glucksberg, C. Hempelmann, L. Hutcheon, H. Kotthoff, D.C. Muecke, A. Partington, V. Raskin, D. Sperber, D. Wilson и др]. В любом случае, ирония суть индивидуальная речевая деятельность, вполне сознательно нарушающая максимы Грайса [2, с.222-225], так как принцип кооперации для субъекта иронии не актуален: собеседник для него никогда не со-творец коммуникативного акта, а либо объект иронии (т.е. тот, над кем смеются), либо реципиент иронического воздействия (т.е. тот, кто должен опознать и верно интерпретировать ироническую интенцию субъекта иронии для того, чтобы быть им принятым в качестве достойного собеседника). Опознание и интерпретация иронического высказывания при этом никогда не могут быть осуществлены однозначно. Всегда сохраняется возможность прямой интерпретации смысла высказывания, так как ирония по определению – скрытая насмешка над человеком или ситуацией, и вербальное подтверждение иронической интенции автора, на наш взгляд, не может быть рассмотрена иначе, чем коммуникативная неудача.

Сущность же профессионального общения, напротив, состоит в поиске согласия для решения общих задач и выработке единой коммуникативной схемы или программы для упрощения и оптимизации взаимопонимания в процессе совместной профессиональной деятельности. Общение, в этом случае, является лишь активностью, направленной на организацию совместной деятельности, к самой

коммуникации непосредственного отношения не имеющей. Следовательно, принцип кооперации должен здесь неукоснительно соблюдаться, так как иначе под угрозой срыва окажется не только коммуникативный акт, а собственно сама профессиональная деятельность.

Таким образом, фактически ирония как явление находится на противоположном коммуникативном полюсе от профессиональной коммуникации в традиционном понимании этого термина. Однако в определенных обстоятельствах ситуация меняется.

Иронический регулятив в управлении коллективом

В сфере профессиональной коммуникации возможно закрепление нестандартных форм коммуникативного взаимодействия именно на уровне стратегического регулятива. Несмотря на кажущееся противоречие, в современном социуме, особенно в области управления группами с повышенным уровнем анархичности и индивидуальной значимости, к которым относятся школьные и студенческие коллективы, творческие коллективы и рабочие группы (артисты, дизайнеры, программисты и т.д.), наблюдается стандартный запрос на нестандартность коммуникации. Поясним эту мысль. Наблюдение за подобными группами на примере школьных и студенческих коллективов позволяет нам утверждать, что, как правило, совокупный интеллектуальный уровень подобных групп достаточно высок, как минимум, в области интеллектуального запроса, тогда как среда, в которой осуществляется основная деятельность таких групп (в нашем случае, обучение) жестко нормирована и ограничена рамками нормы и требования. В связи с этим оценивание субъекта управления (учителя,

руководителя, преподавателя и т.д.) в группе такого типа проходит преимущественно по его способности, оставаясь в рамках решения ключевой задачи, преодолевать косность и стандартизированность среды взаимодействия, демонстрируя нестандартность мышления.

Ирония как стратегический регулятив в группах такого типа позволяет решить сразу несколько задач: во-первых, применение нестандартного речевого воздействия, требующего высокого уровня развития коммуникативной компетенции, повышает статус субъекта управления и, соответственно, уровень доверия к нему и, как следствие, степень управляемости коллектива в целом. Особенно результативным это оказывается в ситуации, когда иронический регулятив используется вместо ожидаемых агрессивной или формальной стратегий (апелляции к статусу, указание на нормы поведения, устав организации, угрозы репрессивных воздействий и т.д.).

Во-вторых, иронический регулятив позволяет одновременно реализовывать два разнонаправленных воздействия: с одной стороны, ирония смягчает любое негативное суждение, т.е. позволяет более мягко корректировать поведение реципиента, чем это делает прямое агрессивное указание: изменяя образ действий и/или мысли, реципиент не подчиняется формальному внешнему приказу, а делает собственные выводы из иронической коммуникации, что снижает критичность и сопротивление и повышает результативность и долговременность воздействия. С другой стороны, ирония позволяет неявно противопоставить объект воздействия коллективу и, следовательно, использовать механизмы общественной коррекции поведения личности, перенося фокус внимания реципиента (а значит, его агрессии и сопротивления воздействию) с требований субъекта управления на требования собственной социальной группы. Причем, важно отметить, что

в отличие от стандартной апелляции к социальной группе, когда один или несколько ее членов явно и демонстративно противопоставляются остальным и группа должна осуществить выбор между подчинением субъекту управления и лояльностью к членам группы, при реализации иронической стратегии сущность иронического регулятива препятствует возникновению конфликтной ситуации: субъект управления ничего не требует от группы, однако правильно дешифрованный иронический посыл демонстрирует нецелесообразность, нерелевантность и/или неадекватность поведения объекта иронии, и, если коллектив согласится с предъявленной оценкой, то воздействие группы на объект будет осуществляться не под внешним давлением, а по внутреннему убеждению и личностной самомотивации членов группы.

Иронический регулятив как средство развития коммуникативной компетенции личности

Непосредственно в педагогической сфере использование иронического регулятива выполняет и дополнительную функцию (косвенно, очевидно, актуальную и для зон творческих и креативных профессий): наряду с формированием социально одобряемого поведения личности в социуме и подготовкой участников управляемой группы к самостоятельной деятельности в личностной и профессиональной сферах, в деятельности учителя чрезвычайно важную роль играет и задача многовекторного развития реципиентов педагогического воздействия. Перевод иронической коммуникации в статус иронического регулятива в сознании молодых носителей языка способствует развитию их коммуникативной компетенции, языкового мышления и осознанного отношения к возможностям слова, что естественным образом повышает

их интеллектуальный уровень и возможности качественной самостоятельной деятельности во всех сферах жизни.

При правильной организации педагогической коммуникации ирония становится не только способом управления группой учителем, но и способом регулирования межличностных отношений. Конечно, для большинства школьников иронический регулятив чрезмерно сложен как в сфере замысла и построения, так и в сфере качественной реализации, поэтому в этой возрастной группе часто наблюдаются срывы иронической коммуникации, особенно, когда обучающийся выбирает объектом иронического воздействия учителя / руководителя коллектива. А на начальных этапах формирования этой области коммуникативной компетенции чаще всего реализуется именно такой сценарий, так как для большинства обучающихся, не сталкивавшихся ранее с ироническими регулятивами, именно учитель является образцом коммуникативного поведения, а следовательно, и адресатом лингвокреативных экспериментов.

Это обусловлено спецификой педагогической коммуникации, при которой, несмотря на то, что формально учитель работает с группой обучающихся, фактически для реципиента педагогического воздействия происходит прямая коммуникация «учитель – ученик», за исключением тех моментов, когда статус реципиента меняется на статус наблюдателя той же прямой коммуникации «учитель – ученик» (учитель спрашивает, вызывает к доске, корректирует поведение ученика, ученик спрашивает учителя, ученик умышленно нарушает нормы коммуникативного поведения (дерзит учителю, провоцирует)) и немногочисленных случаев спонтанного или программируемого учителем возникновения межличностной коммуникации «ученик – ученик», например: спор о герое литературного произведения. За исключением последнего примера,

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА, №4 (4), 2018

возникающего в педагогической деятельности достаточно редко, реципиент педагогического воздействия существует в рамках коммуникации «учитель – ученик» (либо в статусе активного участника, либо в статусе наблюдателя) и, соответственно, в ней же и опробует новые навыки речевого поведения, в том числе и иронический регулятив. Для правильного усвоения такой модели речевого поведения, как и в целом, для усвоения новых действий, необходимо отсутствие агрессивной реакции регулятора действия на совершаемые ошибки. В этом, отметим, и заключается ключевая сложность обратного (от ученика к учителю) использования иронии в педагогической коммуникации: некорректное использование иронии нарушает коммуникативные, поведенческие и, очень часто, этические нормы, а корректное и уместное вызывает ощущение угрозы статусу. Поэтому нередко, вместо грамотной коррекции употребления иронии при ошибке и повышении уровня коммуникации при удачном использовании иронии, учитель снижает уровень коммуникации до скрытой или явной агрессии, что мешает развитию коммуникативной компетенции обучающихся.

Иронический регулятив в иерархическом пространстве деловой коммуникации

Указанная проблема в несколько другой ипостаси характерна для всех сфер профессионального общения. Поскольку профессиональной коммуникации всегда в той или иной мере присуща должностная иерархия, в любой сфере выделяются три типа вербального взаимодействия: сверху вниз («учитель к ученику», «начальник / командир к подчиненным»), снизу вверх (обратный тип) и на равных (между равными по иерархическому уровню, например: между учениками,

между учителями, между подчиненными одного уровня, между начальниками одного уровня). Причем равенство по иерархическому уровню обычно также осознается, как и неравенство, т.е. в рамках профессионального общения всегда присутствует оценка собеседника по иерархическому статусу. Это обусловлено не столько самим статусом собеседников, сколько различиями в речевом этикете (речевых ритуалах) между указанными типами коммуникации (обычно первыми двумя, подразумевающими неравное статусное общение). В большинстве профессий существуют нормы, регулирующие как первый, так и второй тип неравностатусного общения: различаются предписываемые способы установления контакта, поддержания его, выражения согласия и несогласия, выражения собственных желаний, предпочтений, требований и т.д., а также выхода из коммуникации. Причем находящийся выше по статусу, естественно, имеет больше привилегий, а находящийся ниже – больше обязанностей и ограничений, однако оба при любом типе коммуникации обязаны находиться в рамках налагаемого профессией речевого этикета. Его нарушение фактически приравнивается к выходу за пределы своей социальной роли, а следовательно, к подрыву статуса реципиента и нарушению общей иерархической системы. Третий же тип обычно никак не регулируется, так как формально находится за пределами деловой коммуникации и регулируется только общими этическими нормами, существующими в обществе в целом. Особую сложность представляет то, что статус участников общения вообще-то находится и за пределами общей этики, так как они не являются ни незнакомыми, ни близкими людьми, поэтому внутри каждой организации складываются свои модели коммуникации третьего типа, определяемые в наибольшей степени мировоззрением входящих в коллектив индивидов.

В связи с этим использование иронического регулятива в профессиональной коммуникации первого и третьего типа всегда нормативно и обычно продуктивно, тогда как возникновение иронической интенции при реализации второго типа всегда сопряжено со значимым риском коммуникативной неудачи или возникновения коммуникативного, а иногда и фактического конфликта. Те же механизмы, которые оказываются действенными при использовании иронического регулятива в коммуникации на равных или сверху вниз, в коммуникативном взаимодействии снизу вверх, напротив, стимулируют агрессивность реципиента из-за кажущегося или реального подрыва его коммуникативного статуса. В то же время допущение и принятие иронического регулятива в речи подчиненных при демонстрации сохранности интеллектуального и профессионального превосходства способствует формированию и укреплению ощущения коллективного единства, и повышению внутриколлективного статуса начальника, учителя, командира.

Профессиональная коммуникация с использованием иронического регулятива в сфере высокого риска

Особо следует, на наш взгляд, отметить функции иронического стратегического регулятива в профессиональных сферах, связанных с высоким риском и сопряженных с переживанием множественных отрицательных эмоций (медицина, военная сфера, спасатели, летчики и т.д.). Несмотря на максимальный уровень нормативности профессиональной коммуникации, связанный как с недопустимостью коммуникативных неудач, так и с жесткостью иерархической системы, что делает все виды не прямой коммуникации неприемлемыми, ирония как

стратегический регулятив в неформальном профессиональном общении (устная коммуникация внутри профессиональной группы) играет весьма значительную роль. В связи с особенностями профессиональной деятельности здесь очень высока степень табуированности, как в лексике, так и в тематике общения. Это могут быть профессиональные суеверия, связанные с наиболее частотными рисками (например, запрет на некоторые общепринятые прямые и косвенные вербальные реализации концепта «смерть» в речи военнослужащих – смерть, умер, погиб, труп, в последний раз и другие), а также охранные психологические меры, направленные на поддержание эмоциональной стабильности в процессе профессиональной деятельности (например, внутренний запрет на выражение печали, горечи, скорби по погибшим товарищам, умершим пациентам и т.п.). Однако вербальная табуированность не способствует снижению общего эмоционального напряжения при столкновении с опасностью для собственной жизни, человеческим горем, страданием, смертью и т.д. Табуированность проявления эмоциональных реакций, с одной стороны, предотвращает эскалацию непродуктивных эмоций и возникновение эмоционального резонанса с вовлеченными в ситуацию коллегами, с другой же стороны, подавление сильных негативных эмоций ведет к усилению стресса и внутреннего дискомфорта, что опасно для психического и физического здоровья человека [8, с. 36-40].

Стратегическим регулятивом, способствующим снятию эмоционального напряжения и выплеску накопленного эмоционального заряда, как раз и становится ирония, объектом которой становится ситуация или же поведение одного из членов группы или группы в целом. Антистрессовый (или постстрессовый) иронический регулятив не преследует цели выделить объект иронии из группы и воспользоваться групповой регуляцией поведения. Возникновение такого эффекта

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА, №4 (4), 2018

потенциально допустимо, но является лишь косвенным проявлением регулятивной функции. В целом же, ключевой задачей становится стремление продемонстрировать возможность иной интерпретации происходящих событий, недоступной их непосредственным участникам из-за излишней личностной вовлеченности. Предлагаемая субъектом высказывания ироническая оценка события или поведения фактически направлена на дистанцирование от настоящего момента (момента речи) и переводу стимула стресса в объект осмысления и анализа.

Внутренняя коммуникация в указанных областях является закрытой от внешнего наблюдения, однако иронический регулятив часто оказывается доступен и стороннему наблюдателю, так как ключевое содержание коммуникации, как и следует из определения иронии [11, с. 349], не равно содержанию высказывания, а следовательно, и недоступно наблюдателю, находящемуся вне группы. Внешним проявлением иронического регулятива можно считать так называемый «черный юмор» медиков и армейское балагурство. В обоих случаях фактический объект осмеяния как таковой смешным не является, а субъект высказывания сохраняет нарочитую серьезность, в то время как его целью, очевидно, является стимулирование положительных эмоций внутри профессионального коллектива. Для стороннего наблюдателя происходящее смешным обычно не воспринимается, напротив, вызывает ощущение когнитивного диссонанса как насмешка над чужим или своим горем, страхом и страданиями.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что в этих сферах наиболее зримо проявляется сущность иронии как стратегического регулятива.

Ведь регулятив по своей сути – устойчивый продуктивный шаблон, организации коммуникативного взаимодействия. А сущность шаблонов в том, что их использование требует меньшей компетенции, чем их создание или работа без шаблонов. Ирония необходима в профессиональной коммуникации профессий, где высок уровень профессионального риска и стресса, однако уровень коммуникативной компетентности специалистов в этих зонах далеко не всегда достаточен для полноценной иронической коммуникации. Усвоение же стратегического регулятива происходит в процессе профессионального становления путем усвоения устойчивой модели речевого поведения более опытных товарищей. Таким образом, иронический регулятив становится доступен для использования и понимания даже при недостаточном уровне коммуникативной компетентности, хотя продуцирование качественной иронии, естественно, продолжает требовать высокого уровня развития.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: использование иронического регулятива в области управления коллективом помогает поддерживать высокий статус субъекта управления и осуществлять коррекцию поведения и деятельности участников группы в более мягкой и неавторитарной форме, в основном апеллируя не к нормам и статусам, а к личностной системе ценностей реципиента воздействия. В то же время внутри коллектива ирония способствует снижению конфликтности и повышению интеллектуальности коммуникации. В сферах высокого риска иронический регулятив способствует снятию эмоционального напряжения и замещению негативного эмоционального фона проявлениями позитивных эмоций. В целом, грамотное использование иронического стратегического регулятива в профессиональном общении всех типов способствует формированию комфортной интеллектуально насыщенной атмосферы внутри профессионального коллектива и его

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА, №4 (4), 2018

сплочению на основании общности системы ценностей и представлений о мире, а также, что играет, очевидно, одну из главных ролей, на базе доверия друг к другу и уважению интеллектуальных, личностных и профессиональных качеств, степень сформированности которых определяет возможность грамотного, уместного и продуктивного использования иронии в профессиональной коммуникации.

Литература

1. *Балашов С.Н.* Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов): автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2006. 25 с.
2. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М, 1985. С.217-237.
3. *Ермакова О.П.* Ирония в отношении к лексико-семантической норме // Современный русский язык: Система – норма – узус. Москва: Языки славянских культур, 2010. С. 379-409.
4. *Козинцев А.Г.* Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Москва: Индрик, 2007. С.238-253.
5. *Мартин Р.* Психология юмора. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 480 с.
6. *Походня С.И.* Языковые виды и средства реализации. Киев: Наукова думка, 1989. 126 с.
7. *Романов А.А.* Регулятив как комплексная единица диалогического общения [Электронный источник] // Мир лингвистики и

коммуникации, 1(10), 2008. URL: tverlingua.ru/archive/010/12_10.htm (дата обращения 12.01.2019).

8. Семилеткина М.С. Знаковое регулирование психологических границ личности в профессиональной деятельности. // Организационная психоллингвистика. [Электронный ресурс] : электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. № 3 (3). М., 2018. С.31-42.

9. Фархитдинова О.М. Ирония: проблема определения и роль в философском познании: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

10. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. ... дис. док. филол. Наук. Воронеж, 2014. 50 с.

11. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук Специальность 10.02.19 – Теория языка. / Воронежский государственный университет, 2014. 399 с.

12. Янкелевич В. Ирония. Прощение: Пер.с фр. Москва: Республика, 2004. 335 с.

13. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. 238 p.

14. Barbe K. Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.

15. Brooks C. Irony as a Principle of Structure // Literary Opinion in America. 1951. No.2. P. 729-741.

16. Colebrook C. Irony. New York : Routledge, 2004. 195 p.

17. Giora R. Irony // Pragmatics Encyclopedia / Ed. by L. Cummings. London: Routledge, 2009. P. 265-267.

18. Hutcheon L. The Complex Functions of Irony // Revista Canadiense De Estudios Hispánicos. 1992. Vol. XVI, 2. P. 219-234.

19. *Kotthoff H.* Responding to Irony in Different Context. On Cognition and Conversation // Journal of Pragmatics. 2003. № 35. P.1387-1411.
20. *Muecke D.C.* The Compass of Irony. Routledge, 1980. 276 p.
21. *Partington A.* Phrasal Irony: Its Forms, Function and Exploitation // Journal of Pragmatics. 2011. No.43. P. 1786-1800.
22. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Kluwer, 1985. 308 p.
23. *Sperber D.* Irony and Relevance: A Reply to Dr. Seto, Hamamoto and Yamanashi // Relevance Theory: Applications and Implications / Ed. by R. Carston. S. Uchida. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 283-293.
24. *Wilson D.* The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? // Lingua. 2006. № 116. Pp. 1722-1743

References

1. *Balashov S.N.* Kognitivnaya priroda ironii: paradigma modelej v sopostavitel'nom opisanii (na materiale anglijskih hudozhestvennyh proizvedenij XX veka i ih russkih perevodov): avtoreferat dis. kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg, 2006. 25 s.
2. *Grajs G.P.* Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. M, 1985. S.217-237.
3. *Ermakova O.P.* Ironiya v otnoshenii k leksiko-semanticheskoj norme // Sovremennyj russkij yazyk: Sistema – norma – uzus. Moskva: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2010. S. 379-409.
4. *Kozincev A.G.* YUmor: do i posle ironii // Logicheskij analiz yazyka. YAzykovye mekhanizmy komizma. Moskva: Indrik, 2007. S.238-253.
5. *Martin R.* Psihologiya yumora. Sankt-Peterburg: Piter, 2009. 480 s.

6. *Pohodnya S.I.* YAzykovye vidy i sredstva realizacii. Kiev: Naukova dumka, 1989. 126 s.
7. *Romanov A.A.* Regulyativ kak kompleksnaya edinica dialogicheskogo obshcheniya [EHlektronnyj istochnik] // Mir lingvistiki i kommunikacii, 1(10), 2008. URL: tverlingua.ru/archive/010/12_10.htm (data obrashcheniya 12.01.2019).
8. *Semiletkina M.S.* Znakovoe regulirovanie psihologicheskikh granic lichnosti v professional'noj deyatel'nosti. // Organizacionnaya psiholingvistika. [EHlektronnyj resurs] : ehlektron. nauch. zhurnal / gl. red. S.V. Myskin. Vyp. № 3 (3). M., 2018. S.31-42.
9. *Farhitdinova O.M.* Ironiya: problema opredeleniya i rol' v filosofskom poznanii: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk. Ekaterinburg, 2004. 24 s.
10. *Shilihina K.M.* Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty: avtoref. ... dis. dok. filol. Nauk. Voronezh, 2014. 50 s.
11. *Shilihina K.M.* Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty: Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk Special'nost' 10.02.19 – Teoriya yazyka. / Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2014. 399 s.
12. *Yankelevich V.* Ironiya. Proshchenie: Per.s fr. Moskva: Respublika, 2004. 335 s.
13. *Attardo S.* Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. 238 p.
14. *Barbe K.* Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.
15. *Brooks C.* Irony as a Principle of Structure // Literary Opinion in America. 1951. No.2. P. 729-741.
16. *Colebrook C.* Irony. New York: Routledge, 2004. 195 p.

17. *Giora R.* Irony // *Pragmatics Encyclopedia* / Ed. by L. Cummings. London: Routledge, 2009. P. 265-267.
18. *Hutcheon L.* The Complex Functions of Irony // *Revista Canadiense De Estudios Hispánicos*. 1992. Vol. XVI, 2 P. 219-234.
19. *Kotthoff H.* Responding to Irony in Different Context. On Cognition and Conversation // *Journal of Pragmatics*. 2003. № 35. P.1387-1411.
20. *Muecke D.C.* The Compass of Irony. Routledge, 1980. 276 p.
21. *Partington A.* Phrasal Irony: Its Forms, Function and Exploitation // *Journal of Pragmatics*. 2011. No.43. P. 1786-1800.
22. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: Kluwer, 1985. 308 p.
23. *Sperber D.* Irony and Relevance: A Reply to Dr. Seto, Hamamoto and Yamanashi // *Relevance Theory: Applications and Implications* / Ed. by R. Carston. S. Uchida. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 283-293.
24. *Wilson D.* The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? // *Lingua*. 2006. № 116. Pp. 1722-1743

С.В. Мыскин,

*доктор филологических наук,
кандидат психологических наук,*

профессор ГАОУ ВО МГПУ,

129 226, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4

г. Москва, Россия

e-mail: myskinsv@yandex.ru

Д.В. Лычагина,

кандидат медицинских наук,

*заведующая 2-м неонатальным отделением
Перинатального центра ГБУЗ ГКБ №24 ДЗМ,*

127 287, 4-й Вятский пер., 41,

г. Москва, Россия

e-mail: lychdiana@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

В статье анализируются особенности профессионального общения медицинских работников, находящихся в различных рабочих ситуациях. Автором обосновывается влияние организационно-ролевой иерархии субъектов совместной деятельности на выбор подязыка (субкода) профессионального общения. Проведено исследование устной профессиональной речи медицинских работников. В результате составлен перечень субкодов, употребляемых медицинскими работниками в различных рабочих ситуациях. Показана динамика субкодового переключения. Выявлены особенности влияния стрессогенных факторов на характер профессионального общения.

Ключевые слова: профессиональное общение, профессиональный язык, субкод, социальная организация, профессиональный жаргон, профессионализмы.

Myskin S., Lychagina D.

THE INFLUENCE OF SOCIAL ROLE OF MEDICAL WORKERS ON THEIR PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article analyzes the features of professional communication of medical workers in different working situations. The author substantiates the influence of organizational and role hierarchy of subjects of joint activity on the choice of sublanguage (subcode) of professional communication. Research of oral professional speech of medical workers is conducted. As a result, a list of subcodes used by medical workers in various working situations has been compiled and the evolution of subcode switching has been shown. The features of the influence of stress factors on the nature of professional communication are revealed.

Keywords: professional communication, professional language, subcode, social organization, professional jargon, professionalism.

Введение

Исследование профессионального общения предполагает не только описание фонетических, грамматических, лексических и стилистических особенностей индивидуальной речи различных специалистов, но и изучение экстралингвистических факторов, обуславливающих их речевую деятельность в условиях коллективного труда. При этом особое внимание уделяется проблемам, связанным с особенностями профессионального общения представителей профессий с так называемой повышенной коммуникативной нагрузкой. В частности, медицинских работников. При анализе профессионального общения медперсонала внеязыковая реальность принимает ведущую роль в формировании структуры языка и характера речи, поскольку профессиональная деятельность данных специалистов непосредственно связана с обеспечением жизни и здоровья других людей. Это требует повышенной меры ответственности от врачей

за результаты их работы. В психологии подобные обстоятельства классифицируются как стрессовые условия работы, что усиливает эмоциональное напряжение в деятельности медицинских работников. Не вызывает сомнений утверждение, что профессиональная речь, общение врачей также подвергаются воздействию стресса.

Выявление экстралингвистических особенностей профессионального общения медперсонала (а также представителей других профессий) входит в проблемное поле психолингвистики. Современные достижения психолингвистики постулируют тезис о том, что структура общения воспроизводит социальную структуру конкретного коллектива [6; 10]. Социальная структура любой профессиональной группы складывается с учетом функционально-ролевой принадлежности субъекта совместной деятельности. Следовательно, сущностные особенности совместной профессиональной деятельности объясняют специфические речевые проявления в ходе профессионального общения. Изучение специфических речевых проявлений медицинских работников, обусловленных характером их совместной профессиональной деятельности, является целью данного исследования.

Профессиональная языковая ситуация

Любая малая социальная группа может рассматриваться как языковое сообщество. Общность социальной жизни и наличие коммуникативных контактов являются основными характеристиками языкового сообщества [15]. Социальная жизнь есть совокупность многообразных видов и форм совместной деятельности людей, направленных на обеспечение условий и средств существования,

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА, №4 (4), 2018

реализацию потребностей, интересов, ценностей [12]. Жизненная активность коллектива организации представлена совокупностью различных видов совместной профессиональной деятельности, объединенных общей направленностью на достижение единой цели. В этом проявляется общность социальной (профессиональной) жизни трудового коллектива. Далее, в психологии развивается положение о том, что любую деятельность невозможно рассматривать без анализа общения [6; 7]. В трудовых коллективах неотъемлемая роль общения, а, следовательно, и коммуникации, проявляется наиболее отчетливо, так как совместная профессиональная деятельность включает «в себя общение сотрудничающих коммуникантов, обслуживаемое языковыми и неязыковыми знаками» [13, с. 12]. Данные пояснения позволяют рассматривать коллектив любой организации как языковое сообщество, вернее, профессиональное (или организационное) языковое сообщество. Применительно к целевой группе нашего исследования – это языковое сообщество медицинских работников (медицинской организации).

Коллективная профессиональная деятельность медперсонала организуется посредством различных специальных языков. Вся совокупность кодов и субкодов, используемых в данном трудовом коллективе формирует социально-коммуникативную систему языкового сообщества медицинских работников. Отметим, что код понимается как средство общения, язык. А субкод есть форма существования языка, его разновидность, подсистема, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Общение между врачами осуществляется посредством литературного языка (код) и медицинского языка (субкод), а также других языковых систем и подсистем (иностранный язык, профессиональный жаргон и др.). Коды и субкоды конкретного языкового сообщества медработников

находятся в отношениях функциональной дополнителности, т.е. их распределение в пределах данного языкового коллектива по функциям, сферам использования и ситуациям обусловлено особенностями социальной структуры. Например, медицинская организация может включать несколько отделений (хирургическое, неврологическое, общей терапии и т.п.), работники каждого из которых используют как общемедицинский язык, понятный для представителей всех отделений, так и специальный, функционирующий лишь в границах одного подразделения. Конфигурация функциональных отношений между кодами и субкодами на том или ином этапе существования языкового сообщества составляет языковую ситуацию [15].

Исследование профессионального общения

Пилотное исследование социально-коммуникативной ситуации одной из московских больниц показало, что в медицинских организациях языковая ситуация меняется в соответствии с ключевыми рабочими ситуациями. В качестве таковых выступают: консилиум, врачебный обход, профессорский обход, медицинская помощь, общепольничная конференция, консультация врача, процедура, беседа (в нашем исследовании мы намеренно не учитываем различные ситуации бытового общения медперсонала в рабочей обстановке, поскольку это входит в задачи дополнительного анализа). Каждая языковая ситуация, сформировавшаяся в рабочей ситуации, характеризуется превалированием в общении того или иного кода (-ов)/субкода (-ов):

1) В ходе *консилиума* основным выступает официальный общемедицинский язык. Узкопрофильный язык в этой ситуации

дополняет основной. Иногда употребляются профессионализмы (допустимые лексические сокращения, аббревиатура).

2) *Врачебный обход* по большей части предполагает употребление профессионального жаргона. Также возможны профессионализмы. Меньше используется общемедицинская и узкопрофильная лексика.

3) *Профессорский обход* проходит с использованием академического (научного) языка. Общемедицинский и узкопрофильный языки выступают как дополнительные.

4) При оказании *медицинской помощи* в равной степени употребляются общемедицинский и узкопрофильный язык, профессиональный жаргон и бытовая медицинская речь.

5) В ходе *общепольничной конференции* основными выступают общеорганизационный и общемедицинский языки.

6) *Консультация врача* осуществляется посредством бытового медицинского языка, а общемедицинская лексика выступает в качестве дополнительной.

7) Ситуация *процедуры* предполагает использование в равной степени бытовой медицинской и общемедицинской лексики.

8) В *беседе*, как и в ситуации консультации, употребляется бытовая медицинская речь с небольшим использованием общемедицинской терминологии.

Следует отметить, что в лингвистике профессиональный язык обозначается как специальный язык, язык для специальных целей, субкод, профессиональный подъязык [1; 2; 3; 4; 11]. Учитывая тот факт, что в профессиональном общении коммуниканты используют грамматику литературного языка, то профессиональный язык понимается как совокупность специализированных терминов. При этом основной

единицей анализа в исследовании специального языка является термин [9].

Ниже приведены терминологические примеры профессиональных языков медицинских работников, функционирующие в выделенных нами рабочих ситуациях (Таблица 1).

Таблица 1

Лексические примеры профессиональных языков медицинских работников

Разновидность профессионального языка медицинских работников	Терминологические примеры
Общемедицинский	пациент, болеет, диагноз, лечение, симптомокомплекс, препарат, симптом, синдром, течение заболевания, новорожденный, родильница, роженица
Узкопрофильный	аппаратное дыхание, период родов, открытие шейки матки у женщины, ягодичное предлежание, два рубца на матке, безводный промежуток, эклампсия, период адаптации, физиологические рефлексы, глазная симптоматика, шкала Апгар, гестоз, эклампсия, акроцианоз, катетеризация, шок, курабельность, исход, тромбоз, асфиксия, гипоксия, тремор, скрининг
Бытовой медицинский	больной, недостаток питания (гипотрофия), кислородное голодание (гипоксия), мышечная слабость (мышечная гипотония), инфекция, лечение, болезнь, прокапать, обследовать, уход
Профессионализмы	пит (палата интенсивной терапии), ИВЛ, МРТ, ОРИТ (отделение реанимации и интенсивной терапии), снять ЭКГ, сделать снимок (рентген), ординатор
Академический	анамнез, этиология, патогенез, соматические заболевания, аномалия, генез, патологическое состояние, клинические проявления, адаптация, транзиторные состояния, основной диагноз, осложнение, фоновые заболевания, оценка по шкале
Профессиональный жаргон	уши (фонендоскоп), золотой час (промежуток времени, за который необходимо оказать мед помощь, чтобы спасти пациента), «бочковидная» грудная клетка, «самдых» (ребенок на самостоятельном дыхании), «ребенок лопнул» (у ребенка пневмоторакс – угрожающее жизни состояние проявляющееся скоплением воздуха в плевральной полости), «тихий парень» (пациент в коме, «стоит бедро» (стоит центральный катетер в бедренной вене), «ребенок

	светится» (получает фототерапию), «собрал котомочку» (умирает), «не ест» (не усваивает питание)
Общеорганизационный	медицинская организация, койко-день, пребывание больного в стационаре, длительность лечения, затраты на лечение, экономическая эффективность, план на квартал, незаконченный случай, отчет по скринингу

Для выявления организационно-структурных факторов, обуславливающих структуру и характер профессионального общения медперсонала, целесообразным представляется проведение дефиниционного анализа рабочих ситуаций.

Консилиум есть совещание врачей одной или разных специальностей с целью вынесения заключения о состоянии здоровья обследуемого, установление диагноза болезни, определение ее прогноза, тактики обследования и лечения больного [8]. Поскольку консилиум собирается при сложных случаях, для правильности принятия решения по методам лечения приглашают сторонних специалистов (юристов, научно-технических работников и пр.). Сопутствующим результатом участия в консилиуме является совершенствование профессиональных знаний его участников. Приведенная дефиниция показывает, что консилиум характеризуется повышенной формальностью отношений, официальным стилем взаимодействия, актуализацией профессиональных знаний. Предметом обсуждения служит четкая постановка диагноза и составление программы лечения. Это возможно при опоре на профессиональные знания и профессиональный опыт, и посредством профессионального медицинского языка. Участники консилиума находятся в равностатусных позициях, поскольку решение принимается коллективно. Значимость консилиума усиливается повышенной ответственностью за принятое решение, поскольку есть риск неправильной постановки диагноза, так называемой врачебной ошибки. Социальный контроль врачей над речью

высокий. Такая командная социальная организация медиков обуславливает кодовый состав языковой ситуации, оставляя функционирующими только общемедицинский и узкопрофессиональные языки.

Врачебный обход – это ежедневное посещение больного с целью: контроля за ходом терапии, эффективностью лечения, надлежащим поведением больного, получения дополнительной клинической информации, назначения процедур, информирования пациента, психологической поддержки больного и пр. Результаты различных исследований взаимодействия врача и пациента во время обхода вскрывают его противоречивый характер [16; 18]. Главной целью врачей выступает оптимальная организация работы, в то время как пациент ждет от встречи с лечащим врачом получения важной информации о картине болезни, участия в восстановлении самоконтроля и т. д. Зачастую обход совершают психологически неподготовленные и недостаточно квалифицированные в области психологии общения специалисты, которые устанавливают более эмоциональные, неформальные контакты с пациентом. Апелляция к ответственности врача не дает ожидаемого эффекта, поскольку недостаточно глубокое понимание природы болезни и нормативно-организационные ограничения усиливают защитные психологические механизмы медицинского работника. Это исключает диалогические формы общения с больным, и усиливает монологические. При этом речь врача непонятна за счет использования медицинского жаргона, непредсказуема за счет быстрой смены тем, сложна для восприятия за счет неблагоприятной проксемиологической обстановки (обсуждение состояния больного, как правило, происходит в общей палате в присутствии других пациентов), скоротечна (длительность встречи в среднем 3,5 мин.) [14, с. 650-651; 16; 17]. Социальный контроль над речью

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА, №4 (4), 2018

низкий. Социальная структура данной рабочей ситуации характеризуется иерархией отношений «врач – пациент», причем врач занимает доминирующую позицию. Учитывая эмоциональную основу отношений, в языковой ситуации врачебного обхода превалирует медицинский жаргон в качестве основного субкода.

Основной целью профессорского обхода является проверка соответствия профессиональных знаний и умений тем действиям, которые лечащий врач осуществляет в ходе лечения больного. Как видно, ситуация профессорского обхода воспроизводит ситуацию зачета/экзамена в вузе. В преддверии данной рабочей ситуации у лечащего врача повышается ситуативная тревожность. Он начинает мысленно перебирать состояние и диагнозы больных, проверять наличие и полноту заполнения необходимых документов и т.п. Основной задачей лечащего врача является предоставление всей медицинской документации (историй болезни, листов назначений, результатов клинических исследований и т.п.), демонстрация полной осведомленности в этой документации применительно к каждому больному. Кроме того, общение с представителем науки и образования предполагает формулировку вопросов и ответов на академически правильном медицинском языке. Руководитель обхода кроме основной выполняет дополнительную функцию. Это и знакомство врачей с новыми достижениями клинической и экспериментальной медицины, диагностики и лечения [5]. Социальные отношения в данной рабочей ситуации представлены схемой «проверяющий – проверяемый». Социальный контроль над речью повышенный. Формальная иерархическая подчиненность участников профессорского обхода обуславливает структуру языковой ситуации, в которой ведущим выступает академический медицинский язык.

Медицинская помощь – совокупность лечебно-профилактических мероприятий, проводимых при заболеваниях, травмах, отравлениях, а также при родах лицами, имеющими медицинское (высшее или среднее) образование. Медицинская специализированная помощь – высшая форма медицинской помощи, оказываемая врачами-специалистами в специально предназначенных для этой цели лечебных учреждениях или отделениях с использованием специальной лечебно-диагностической аппаратуры, инструментария и оборудования [8]. Данная рабочая ситуация характеризуется повышенной динамикой, вариативностью. Хирургическая операция, роды, работа с травмой и пр. в любой момент могут «пойти по незапланированному сценарию». Бригада врачей держит в фокусе пристального внимания состояние жизни и здоровья пациента. Ситуация может протекать и в штатном, эмоционально нейтральном режиме. В этом случае, контроль над своей профессиональной речью находится в фокусе актуального сознания врачей. При этом общение врачей происходит, в основном, с использованием общемедицинской и узкопрофильной терминологии. В критические, кризисные моменты операции эмоциональное напряжение врачей растет, что приводит к снижению социального контроля над речью. Этот контроль переходит на непосредственные действия. В такие моменты общение, по большей мере, происходит на бытовом медицинском языке и профессиональном жаргоне.

На общепольничной конференции (еженедельной, ежемесячной) подводят итоги работы организации за какой-либо отчетный период, работы в рамках какого-то проекта. Обсуждаются актуальные вопросы функционирования медицинской организации. Тематика выступлений достаточно обширная: качество предоставляемых медицинских услуг, улучшение условий труда медицинских работников, повышение профессиональной мотивации и материального стимулирования

работников учреждения и пр. Поскольку на конференции присутствуют медработники различного профессионального профиля, обеспечивающий персонал (юристы, маркетологи, финансисты, хозяйственники и т.д.), темы выступлений должны быть понятны всем участникам. Социальный контроль над речью умеренно высокий. Это обстоятельство обуславливает кодовый состав языковой ситуации: общеорганизационный и общемедицинский языки.

Консультация врача – это выдача врачом пациенту профессиональной рекомендации относительно оптимальных действий в конкретной медицинской ситуации. В ходе встречи врач выясняет наиболее ценную для решения проблемы больного информацию и формулирует обоснованный совет. Используя свои профессиональные знания, врач обсуждает симптомы или проявления возможного заболевания, уточняет время и обстоятельства появления симптомов, обращался ли больной за помощью ранее, и каков был установлен диагноз, насколько правильно и эффективно проводилось лечение и т.д. Коммуниканты в данной ситуации отличаются уровнем и профилем профессионального образования. Очевидно, что несведущий пациент не поймет специализированного описания своей болезни. Поэтому врач, употребляя общемедицинские термины, вынужден переформулировать их на бытовой медицинский язык. В данной рабочей ситуации социальный контроль над речью умеренно высокий, поскольку существуют официальные нормативные акты, возлагающие ответственность на врача за правильность постановки диагноза. В языковой ситуации превалирует бытовой медицинский язык.

Процедура (медицинская) представляет собой совокупность упорядоченных действий, направленных на достижение результата в процессе оказания медицинской помощи людям, испытывающим

проблемы со здоровьем. В ходе процедуры медицинский работник может проводить диагностику состояния здоровья пациента, осуществлять заживление и обработку ран, восстанавливать временно утраченные функции и структуры органов и т.п. Как видно из приведенной дефиниции, в процедуре первоочередным выступает осуществление определенных действий, а доступное объяснение их пациенту второстепенно. Поэтому языковая ситуация включает в равном соотношении общемедицинский и медицинский бытовой субкоды.

Ситуация беседы с родственниками больного по характеру и структуре общения схожа с консультацией. Врач должен на доступно для простых людей объяснить болезнь, симптомы ее проявления и программу лечения. Языковая ситуация беседы включает бытовой медицинский язык как доминирующий, а также общемедицинский как дополнительный.

Заключение

В заключение отметим, что проведено исследование специфических рече-/языковых проявлений медицинских работников в условиях совместной профессиональной деятельности. Результаты выявили зависимость характера и структуры общения от особенностей социальной организации субъектов совместной профессиональной деятельности. Особенности социальной организации проявляются в вертикальном или горизонтальном строении и распределении социальных позиций участников. Это обуславливает использование монологических или диалогических форм общения соответственно. В ходе исследования было выявлено, что медицинские работники используют в рабочем общении различные подсистемы профессионального языка (субкодов). К таковым относятся общемедицинский, узкопрофильный, академический,

общеорганизационный, бытовой медицинский языки, а также профессионализмы и профессиональный жаргон. Вскрыта зависимость смены субкодового состава языковой ситуации от структуры социальных позиций субъектов совместной деятельности и ее эмоциональной нагрузки. Рабочие ситуации с повышенной эмоциональной нагрузкой, в которых врач занимает доминирующую социальную позицию, профессиональное общение разворачивается в условиях сниженного социального контроля, что приводит к употреблению в качестве основного субкода профессионального жаргона. Рабочие ситуации с повышенной эмоциональной нагрузкой, в которых врач занимает подчиненную социальную позицию, профессиональное общение разворачивается в условиях повышенного социального контроля, что приводит к употреблению в качестве основного формального профессионального языка (академического медицинского языка, общемедицинского языка, узкопрофильного языка).

Литература

1. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
2. *Бойко Б.Л.* Основы теории социально-групповых диалектов. Монография. М.: Военный университет, 2008. 184 с.
3. *Бондалетов В.Д.* Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореф. дисс...д-ра. филол. наук. Л., 1966. 28 с.
4. *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Наука, 1936. 297 с.

5. *Кондурцев В.А.* Искусство клинического обхода: допалатный этап // *Здравоохранение*. № 4. Минск: Редакция журнала «Здравоохранение», 2014. С. 73-76.

6. *Леонтьев А.А.* Психология общения: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

7. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 448 с.

8. *Малая медицинская энциклопедия*. В шести томах. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1991-1996. Т.1. 560 с. Т.2. 624 с. Т.3. 608 с.

9. *Мыскин С.В.* Лексическая структура профессионального языка. Часть I // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 103-111.

10. *Мыскин С.В.* Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов // *Организационная психолингвистика*. М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. № 1(1). С. 2. С. 21-38.

11. *Пиотровский Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л.: Наука. ленингр. отд., 1979. 112 с.

12. *Социологический справочник [Текст]: общественно-политическая литература / Под ред. В. И. Воловича*. К.: Политиздат Украины, 1990. 384 с.: граф., табл., рис.

13. *Тарасов Е.Ф.* К построению теории организационной психолингвистики // *Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин*. – Вып. №1 (1). – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. С. 11-20.

14. Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии. СПб., «Восточно-Европейский Институт Психоанализа», совместно с издательством «Речь», 1998. 784 с.

15. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.

16. Fehlenberg, D., Simon, C., Kohle. K. (1986): Die Krankenvsichte - Probleme der traditionellen Stationsarztvsichte und Veränderungen im Rahmen eines psychosomatischen Behand- lungskonzepts. In: UEXKÜLL, T. von (Hrsg.): Psychosomatische Medizin. München: Urban und Schwarzenberg. 3. Aufl., 244-267.

17. Haferlach, T. (1994): Das Arzt-Patient-Gespräch. Ärztliches Sprechen in Anamnese, Visite und bei der Patientenaufklärung. München: Zuekschwerdt.

18. Siegrist, J. (1978): Arbeit und Interaktion im Krankenhaus. Stuttgart: Enke.

References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolinguistika [Sociolinguistics]. М.: Ros. gos. gumanit. un-t [RGGU], 2001. 439 p.

2. Bojko B.L. Osnovy teorii social'no-grupповykh dialektov. Monografiya [Fundamentals of the theory of social-group dialects. Monograph]. М.: Voennyj universitet [Military University], 2008. 184 p.

3. Bondaletov V.D. Uslovno-professional'nye yazyki russkih remeslennikov i toгovcev [Conditionally professional languages of Russian artisans and traders]. Avtoref. diss...d-ra. filol. nauk. L., 1966. 28 p.

4. Zhirmunskij V.M. Nacional'nyj yazyk i social'nye dialekty [National language and social dialects]. L.: Nauka [Sciences], 1936. 297 p.

5. Kondurcev V.A. Iskusstvo klinicheskogo obhoda: doplatnyj ehtap [The Art of clinical bypass: doplaty stage] // Zdravoohranenie [Health]. № 4. Minsk: Redakciya zhurnala «Zdravoohranenie» [Health], 2014. PP. 73-76.
6. Leont'ev A.A. Psihologiya obshcheniya: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Psychology of communication: textbook for students]. 5-e izd., ster. M.: Smysl [Sense]; Izdatel'skij centr «Akademiya» ["Academy"], 2008. 368 p.
7. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Methodological and theoretical problems of psychology]. M.: Nauka [Science], 1984. 448 p.
8. Malaya medicinskaya ehnciklopediya. V shesti tomah [Small medical encyclopedia. In six volumes]. M.: Izd-vo «Sovetskaya ehnciklopediya» ["Soviet encyclopedia"], 1991-1996. T.1. 560 p. T.2. 624 p. T.3. 608 p.
9. Myskin S.V. Leksicheskaya struktura professional'nogo yazyka. CHast' I [Lexical structure of professional language. Part I] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Theory and practice]. Tambov: Gramota, 2015. № 6 (48): v 2-h ch. CH. I. PP. 103-111.
10. Myskin S.V. Organizacionno-psihologicheskij analiz professional'nogo soznaniya rabotnikov sovremennyh trudovyh kollektivov [Organizational and psychological analysis of professional consciousness of workers of modern labor collectives] // Organizacionnaya psiholingvistika [Organizational psycholinguistics]. M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tekhnologij» ["Agency of social and humanitarian technologies"], 2018. № 1(1). S. 2. PP. 21-38.
11. Piotrovskij R.G. Inzhenernaya lingvistika i teoriya yazyka [Engineering linguistics and language theory]. L.: Nauka. leningr. otd., 1979. 112 p.

12. Sociologicheskij spravochnik [Tekst]: obshchestvenno-politicheskaya literatura [Sociological guide [Text]: socio-political literature] / Pod red. V. I. Volovicha. K.: Politizdat Ukrainy, 1990. 384 p.: graf., tabl., ris.

13. Tarasov E.F. K postroeniyu teorii organizacionnoj psiholingvistiki [To the construction of the theory of organizational psycholinguistics] // Organizacionnaya psiholingvistika [EHlektronnyj resurs]: ehlektron. nauch. zhurnal [Organizational psycholinguistics [Electronic resource]: electron. science. magazine] / gl. red. S.V. Myskin. – Vyp. №1 (1). – M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tekhnologij», 2018. PP. 11-20.

14. Hajgl-EHvers A., Hajgl F., Ott YU., Ryuger U. Bazisnoe rukovodstvo po psihoterapii [Basic guide to psychotherapy]. SPb., «Vostochno-Evropejskij Institut Psihoanaliza» [East European Institute of Psychoanalysis"], sovместно s izdatel'stvom «Rech'», 1998. 784 p.

15. SHvejcer A.D. Social'naya differenciaciya anglijskogo yazyka v SSHA [Social differentiation of English in the United States]. M.: Nauka, 1983. 216 p.

16. Fehlenberg, D., Simon, C., Kohle. K. (1986): Die Krankenvisite - Probleme der traditionellen Stationsarztvisite und Veränderungen im Rahmen eines psychosomatischen Behandlungskonzepts. In: UEXKÜLL, T. von (Hrsg.): Psychosomatische Medizin. München: Urban und Schwarzenberg. 3. Aufl., PP. 244-267.

17. Haferlach, T. (1994): Das Arzt-Patient-Gespräch. Ärztliches Sprechen in Anamnese, Visite und bei der Patientenaufklärung. München: Zuekschwerdt.

18. Siegrist, J. (1978): Arbeit und Interaktion im Krankenhaus. Stuttgart: Enke.

Ярыгина Е.С.

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания филологических дисциплин
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
e-mail: yaryginaES@mgpu.ru*

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА
(на материале лекций из современных лингвистических
курсов русского языка)**

В статье обсуждаются современные коммуникативные технологии, используемые преподавателями вузов при чтении базовых курсов русского языка и спецкурсов, посвященных определенным проблемам современной лингвистики. В статье предлагается анализ корпуса лекционных текстов, прочитанных на филологическом факультете МГУ в начале 2000-х гг. В результате анализа показано, что высокая степень научности и терминологическая насыщенность должны быть обеспечены особыми риторическими приемами, способствующими созданию и поддержанию информационной связи между лектором и его слушателями. Особое внимание уделяется терминологическому аппарату русистики в ситуации диалогического сосуществования разных научных школ.

Ключевые слова: русский язык, педагогический дискурс, педагогическая риторика, вузовская методика, психология восприятия, русская грамматика, терминология.

E. Yarygina

**FEATURES OF MODERN PEDAGOGICAL DISCOURSE
(by the material of lectures from modern linguistic courses of
the Russian language)**

The article discusses modern communication technologies used by University teachers when giving basic courses of the Russian language and special courses on certain problems of modern linguistics. The article offers an analysis of the lecture texts read at the philological faculty of Moscow state University in the early 2000s. And as a result of the analysis it is shown that a high degree of scientific and terminological saturation should be provided with particular rhetorical techniques that contribute to the creation and maintenance of information communication between the lecturer and his listeners. Special attention is paid to the terminological apparatus of Russian studies in the situation of dialogical coexistence of different scientific schools.

Keywords: Russian language, pedagogical discourse, pedagogical rhetoric, University methodology, psychology of perception, Russian grammar, terminology.

Преподавание филологических дисциплин в современной России сталкивается с серьезными проблемами. Это связано не только с процессами, происходящими в русской культуре (например, с ее визуализацией), но и с изменениями в сфере вузовского преподавания: изменение приоритетов, обусловленное изменениями в экономике, привело к тому, что основной целью функционирования вуза является не столько трансляция научного знания и воспроизведение его в следующих поколениях, сколько обеспечение потребностей тех, кто пришел учиться. Поэтому фактор адресата в современной вузовской

педагогике стал гораздо сильнее, чем в прошлом веке. Конечно, задача вузовской педагогики (транслировать самые современные знания) не изменилась, но наука (в том числе и филология) стала более сложной, объем научных знаний увеличился. Это предъявляет особые требования к преподаванию филологических дисциплин, в частности, русского языкознания, в современных вузах.

В сфере лингвистической науки принято говорить об уровнях знания: научное знание о языке (научная лингвистика) – высшая ступень, далее – вузовская лингвистика и, наконец, школьный предмет «Русский язык». Между этими уровнями всегда существовала дистанция. Задачей вузовского преподавания неизменно было сокращение дистанции между научной лингвистикой и вузовскими курсами русского языка, а в идеале – сведение этой дистанции к нулю. Однако сейчас ситуация изменилась: во-первых, увеличилась дистанция между научной грамматикой русского языка и школьной грамматикой, и во-вторых, как следствие этого, увеличилась дистанция между лингвистикой вузовской и лингвистикой научной. Соответственно, для вуза возникла дилемма между научностью и доступностью знания, его ориентированностью на научную грамматику или на школьные учебники.

В отличие от других научных дисциплин, лингвистика (и шире – филология) несет знание гипотетическое, поскольку язык – это тот объект, который не дан исследователю в непосредственном наблюдении. Каждое следующее лингвистическое описание русского языка представляет собой гипотезу, в большей или меньшей степени приближенную к реальной языковой системе. Лингвистика – это знание абстрактное, требующее серьезной интеллектуальной работы адресата.

Уровень абстракции лингвистического знания не ниже философского, поскольку основные грамматические категории – это результат языковой категоризации абстрактных философских понятий (например, времени, качества, количества, модальности и др.). Современная лингвистика характеризуется антропоцентричностью, текстоцентричностью, системностью и объяснительностью. Эти особенности влияют и на педагогический дискурс: в практике преподавания русского языка интерпретация грамматических единиц и категорий осуществляется с учетом их текстовых функций, в связи с точкой зрения и коммуникативными задачами говорящего, повысилась значимость лингвистического эксперимента как средства доказательства того или иного лингвистического положения, изменилось отношение к «языковым аномалиям» (ошибкам и речевым недочетам), которые стали предметом лингвистического анализа и способом доказательства «от противного».

Современное научное знание о русском языке характеризуется полифоничностью, множественностью направлений и терминосистем. Поэтому задачей вузовского преподавателя сегодня является не только представление языковой системы в свете той концепции, которая принята как основная, но и формирование способности будущего специалиста ориентироваться в современном филологическом дискурсе (т.е. в сфере филологического знания, предъявленного в совокупности научных текстов, устных выступлений на конференциях, лекций в разных аудиториях), а также умения порождать тексты, соответствующие всем требованиям современного научного стиля в его научно-педагогической разновидности (об особенностях письменных и устных форм научного стиля см. [1; 2; 3; 4; 7; 8; 9]).

С учетом современного научного многоголосия педагогический дискурс можно разделить на базовый лекционный и проблемно-дискуссионный. Первый реализуется в большей степени в базовых лекциях современного русского литературного языка, представляющих уровневую концепцию от фонетики до синтаксиса. Второй – в спецкурсах, посвященных дискуссионным проблемам современной русистики. Первый тип лекций отдает предпочтение объекту исследования – языковым единицам, связям между ними, отношениям между уровнями. Терминология используется в общепринятом варианте, параллельные терминосистемы и концепции даются как фоновое знание. Из четырех составляющих процесса познания (объекты, термины, идеи, люди – см. об этом [6, с. 114]) на первый план выходят объекты; в идеале – весь предметный указатель «Русской грамматики» (1980). Понятно, что весь предметный указатель в базовый курс включен быть не может, и программы отбирают наиболее значимые для языковой системы объекты, но стремление к эмпирической точности – эта та черта, которая характеризует базовый курс русского языка. Второй тип лекций основан на приоритете идей и терминов, которые принадлежат разным научным направлениям. В этих лекциях основное внимание уделяется научным дискуссиям и типам аргументации, предлагаемым каждой из научных школ.

В соответствии с этими задачами осуществляется отбор коммуникативных стратегий и риторических приемов и формируются два разных типа педагогического дискурса: объектно-ориентированный (системно-описательный) и дискуссионно-ориентированный (проблемно-дискуссионный). В каждом из этих двух типов – свои приемы достижения

научности и доступности, свои принципы доказательств и способы объяснения. Однако между этими типами нет непреодолимой границы. Разница между различными типами лекций – в преобладании того или другого типа дискурса. Кроме того, возможны личностные предпочтения.

В качестве примера проанализируем фрагменты из лекции Н.К. Онипенко, прочитанной в рамках базового курса «Синтаксис современного русского языка» (2000 г.; для 3-го курса филологического факультета МГУ³). Лекции Н.К. Онипенко характеризуются высоким уровнем научности, информативной плотностью, но, к сожалению, иногда недостаточным уровнем доступности.

Лекция первая была посвящена теме «Сказуемость, глагольность и проблема номинативных предложений». Уже по формулировке темы становится ясно, что лектор предполагает читать проблемную лекцию, т.е. в базовом курсе «Синтаксиса» соединяет системно-описательный и проблемно-дискуссионный подходы. Это понятно из того факта, что формулировка темы соединяет разные разделы программы: морфологию и синтаксис, типы сказуемого и типы односоставных предложений, осложнение простого предложения и экспрессивные конструкции.

Лекция начинается с формулировки темы и предъявления объекта исходя из этой формулировки. Лектор говорит:

«Сегодняшняя тема: «Сказуемость, глагольность и проблема номинативных предложений». Т.е. речь пойдет о том, что в Грамматике

³ Ниже приводятся фрагменты расшифровки аудиозаписи, которая была произведена автором данной статьи во время лекции Н.К. Онипенко.

– 80 записано как N1 и у В.А. Белошапковой обозначено как CopN1. И тот, и другой вариант указывает на наличие именительного падежа, или номинатива. В школьных учебниках эти предложения именовались назывными и иллюстрировали знаменитой строчкой из стихотворения Блока: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*. Научные грамматики предпочитают термин *номинативные*. Этот же термин будем использовать мы с вами».

Но необычная формулировка темы (не от объекта) требует объяснения, и лектор объясняет формулировку, т.е. говорит о том, в какую синтаксическую проблему встроен интересующий его объект и почему: «Почему возникает эта проблема? Во-первых, потому, что в русской синтаксической науке есть проблема различения предложения и словосочетания. Во-вторых, потому, что предложение принято соотносить с суждением, что выражается в представлении предложения как субъектно-предикатной структуры (подлежащно-сказуемостной). И все это возвращает нас к предикативности, которая отличает предложение от словосочетания, выражается грамматическими средствами в рамках основы предложения. Предикативность соотносится с глагольными категориями, и, значит, с глагольными аффиксами, отсюда автоматически выплывает соотношение: предикативность и глагольность – это одно и то же или не одно и то же? И мы обсуждали уже эту проблему. Но если говорить о предложениях так называемых номинативных, состоящих из одного именительного падежа, то как обстоит дело с предикативностью (есть она или ее нет), и еще одна проблема - сказуемое или не сказуемое? – именительный – это какой член предложения? И, соответственно, признавать в них или не признавать пропущенный глагол, т.е. проблема нулевой связки, есть

этот глагол и он в нуле, или нет его, и тогда надо говорить об особой структуре. Вот эта проблема».

В фрагменте из 164-х слов лектор 6 раз употребил слово *проблема*, кроме того, в этом тексте 7 предложений с вопросительной целью высказывания. Лексический способ соединяется с синтаксическим. *Проблема* становится ключевым словом лектора. Лектор убеждает слушателей в том, что основной задачей интеллектуального сотрудничества преподавателя и студентов является решение проблемы.

Следующий шаг лектора – отсылка к лингвистической традиции: «Эта проблема была поставлена Александром Матвеевичем Пешковским и Алексеем Александровичем Шахматовым. Номинативное предложение есть и в синтаксисе Дмитрия Николаевича Овсяннико-Куликовского. Шахматов рассматривал номинативные предложения в разделе «бесказуемо-подлежащие предложения» и выделял разные типы номинативных, а Пешковский говорил о нулевой связке, т.е. о том, что здесь надо видеть глагол *быть* в нулевом варианте. Он же сопоставлял номинативные предложения без распространителя и с распространителем и делал выводы о соотношении признаков односоставности и неполноты (к семинару вы подготовите конспекты, и мы будем разбирать их подробно). Свои взгляды на номинативные предложения предлагают академические грамматики, а также пражская грамматика 1979 года. В результате проблема остается проблемой: одни ученые признают номинативное предложение особым синтаксическим типом с нулевым глаголом *быть*, другие считают это предложение неполной реализацией трехкомпонентной бытийной конструкции, третьи – делят односоставные предложения на типы в зависимости от

семантики существительного и цели высказывания. Мы с вами не сможем ответить на все эти вопросы, но наметим пути решения и сформулируем аргументы в пользу того или иного решения». В этом фрагменте нет определений терминов (*односоставность, неполнота, нулевая связка, предикативность*) и нет указаний на издания, т.к. эти издания входят в обязательный набор источников, необходимых для каждой лекции в этом курсе русского синтаксиса, а термины разобраны и зафиксированы в терминологических словарях, которые составляют сами студенты.

После короткого экскурса в прошлое лектор вновь обращается к объекту, но теперь к конкретным примерам. Цель – разделить множество примеров на несколько синтаксических типов, указать признаки, которые отличают один тип от другого. Эта часть лекции предполагает ответную активность слушателей, то есть диалогическое взаимодействие лектора и студентов: «Но прежде чем решать поставленные задачи, давайте посмотрим, что может скрываться за этим самым изолированным именительным падежом. Давайте сначала посчитаем объекты.

Итак, нас с вами интересует изолированный именительный падеж, т.е. это именительный падеж плюс точка, в конце точка. Какие примеры обычно приводятся? Ну, первый самый простой, это тот, который мы взяли – *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*. Еще пушкинский пример: *Мороз и солнце, день чудесный!* А вот *День чудесный* – предложение двусоставное (сравните: *День был чудесный/ чудесным*)».

Далее лектор обращается к студентам и просит подумать о том, в каких жанрах литературы описательные фрагменты включают

значительное количество номинативных предложений. Кто-то говорит о лирике, кто-то говорит о заглавиях книг, но кто-то догадывается, что речь идет о ремарках. И далее лектор переходит к рассмотрению примеров из пьес:

«Более сложные примеры из ремарок к пьесам. Например, из «Вишневого сада»: *Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по видимому, могильными плитами, и старая скамья.* С точки зрения АГ-80, здесь 5 основ номинативных предложений, а с точки зрения Пешковского, только 2, т.к. три последних имеют распространитель (*возле нее*), который, по мнению Пешковского, свидетельствует о пропущенном глаголе, значит эти три предложения двусоставные неполные...».

Следующий дискурсивный шаг: преподаватель выводит на первый план объектно-ориентированный дискурс. Предлагается список примеров: (1) *Москва. Август. Тверская улица...*; (2) *В доме паника*; (3) *В углу шкаф*; (4) *На улице толпа народу*; (5) *Пожар!* (6) *Тишина!* (7) *Вот мельница. (Она уж развалилась)*; (8) *Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось*; (9) *Вася! Иди сюда!* (10) *Эх, Вася, Вася!* (11) *Сказка о попе и работнике его Балде.* Перед студентами ставятся разные задачи: (1) разделить предложения на группы по нескольким признакам (структура, значение, цель высказывания, сфера применения, возможности временных форм, изменения порядка слов); (2) объяснить разницу между побудительными предложениями *Пожар!* и *Тишина!* (3) ответить на вопрос: возможны ли для изолированного именительного две и более интерпретации (осмысления)? В качестве примера для

размышлений предлагается именительный *Зима* в примере из Пушкина: *Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь.*

Все эти наблюдения должны показать студентам значение семантических и коммуникативных оснований классификации предложений, убедить, что не морфологическая форма является решающим фактором в классификации приведенных в списке примеров. Необходимо показать, что решение вопроса: подлежащим или сказуемым является главный член предложения – зависит от семантики существительного, порядка слов, цели высказывания.

Следующий вопрос: чем выражена предикативность и нужно ли восстанавливать глагол – также решается через наблюдения над конкретным материалом. Студентам предлагается обнаружить ситуативную (прагматическую) разницу между предложениями *Мороз* и *За окном мороз*. При этом решается проблема широты синтаксических возможностей номинативных предложений и исчисляются те признаки, которые являются необходимыми и достаточными для квалификации синтаксической структуры как коммуникативной синтаксической единицы – предложения. Предлагается провести лингвистический эксперимент: из предложения *На полке стоят книги* убрать сначала существительное в именительном падеже (но оставить глагол), потом глагол (но оставить существительное) и сформулировать вывод, какой из двух компонентов является необходимым для коммуникативной достаточности предложения. Из чего делается вывод, что безглагольные предложения – самостоятельная, коммуникативно- достаточная синтаксическая конструкция.

Второй сюжет в этой лекции – предикативность и возможность синтаксической парадигмы. Здесь лектор переходит на сложный терминологически язык: *предикат, предикативность, предикативные категории; синтаксическая парадигма, синтаксическое время, синтаксическое наклонение, перцептивный модус, синтаксический нуль.*

Лектор сопоставляет разные определения одного и того же термина, аргументы в пользу того или другого определения и контраргументы, при этом обсуждаются отношения между понятиями *предикатив, сказуемое, глагол.* В отличие от первой части лекции, в которой основное внимание уделялось анализу конкретных примеров и лектор опирался на языковое чутье слушателей, вторая часть насыщена теоретическими обобщениями. При этом более активными становятся средства проблемно-дискуссионного типа дискурса. Студенты сравнивают аргументы и решают, какие из них более убедительны, какие факторы должны быть решающими.

Высокий научный уровень и информативная плотность этой лекции делают ее сложной для восприятия многими студентами, прежде всего теми, которые опираются на школьное знание и школьную терминологию.

Эту проблему лектор решает с помощью этимологических справок к терминам и апелляции к естественному языковому чутью. При этом делает шаг в сторону принципов порождения и использования терминов, сопоставляет словообразовательно и семантически близкие термины. Так, обсуждается три варианта соотношения терминов «номинативное предложение» и «назывное предложение»: (1) полная синонимия; (2) полное несовпадение плана содержания; (3) один термин является

номинацией типа в рамках класса, именуемого вторым термином. Студенты сами находят тот вариант, который принят в школьной программе (1-й). Далее им предлагается точка зрения Пешковского (3-й вар.), который считал термин «номинативное предложение» родовым, а «назывное предложение» – видовым: «Обломов», «Ионыч», «Дар», по Пешковскому, предложения номинативные назывные, а *Бессонница*. *Гомер. Тугие паруса* (Мандельштам) или *Перо. Чернильница. Жара* (Бродский) – предложения номинативные экзистенциальные.

Преподаватель задает студентам вопрос: «Могут ли быть назывные предложения неноминативными?» Оказывается, что могут; «*У камина*» (Фет), «*Из суевья*» (Пастернак), «*В овраге*», «*В вагоне*», «*В потемках*» (Чехов).

И здесь лектор предлагает еще один шаг в сторону методологии – терминологическое отступление об особенностях использования терминологических пар в русистике: *подлежащее – субъект, сказуемое – предикат, неполнота – эллипсис, номинативное – назывное, причинность – каузативность, вид – аспект*. Говорит о двух способах использования: различении – в описательных грамматиках и синонимическом сближении в семантических и функциональных концепциях. Так частный синтаксический вопрос соединяется с принципами грамматического описания языка в русистике.

Техника проблемно-дискуссионного типа применяется и при сравнении предложений *В доме пожар* и *Дом горит*; *У меня тоска* и *Я тоскую*, *В городе паника*, *Город в панике* и *Горожане паникуют*. Вопрос в том: если ли аргументы в пользу двусоставности номинативных экзистенциальных предложений и возможности локативного

подлежащего. При этом предлагается совершенно неожиданное для студентов решение – признание косвенных падежей подлежащими: «Вы знаете о метонимии – *аудитория* (помещение) и *аудитория* (люди). А почему бы не считать, что перед нами синтаксическая метонимия (*Аудитория шумит – В аудитории шум*), вместо именительного падежа стоит локатив. ... Итак, первый вариант решения *В доме паника* – это CopN1, предложение однокомпонентное, номинативное, второй вариант – предложение неполное с пропущенным глаголом, третий – двусоставное с локативным (метонимическим) подлежащим».

В том же дискурсивном ключе предлагается обсудить предложение *На улице толпа народу*: «В школьных грамматиках это предложение рассматривается примерно так же, как и *В углу шкаф*, так как главный член предложения считается нечленимым словосочетанием (два слова, но один член предложения). Помните, я вам приводила пример из Блока: *милльоны – вас, нас – тьмы, и тьмы, и тьмы*. В школе как рассматривалось это предложение? Оно рассматривалось как односоставное назывное, и вы должны были собрать такую пару: *милльоны вас* (без тире), как *трое нас*. У Блока там тире, там будет: «милльоны» тире «вас, нас» тире «тьмы, и тьмы, и тьмы». А у нас в школьной грамматике как? Если есть родительный падеж, то значит, подлежащего быть не может. Но может быть, местоимение в родительном падеже можно рассматривать как подлежащее (особое, с количественным значением), а все количественные слова будут рассматриваться как сказуемые? Что в этом случае делает школа? Она соединяет две формы в одно словосочетание и говорит: Это – назывное предложение. Но если *Книг было две*, то собрать в одно словосочетание

нельзя: **Было две книг. Значит, Книг две, Народу на площади толпы* – это двусоставное предложение с количественной семантикой».

И последний пункт в обсуждении – это роль порядка слов и место ударения. Этот признак также дается в дискуссионном ключе: «Известно, что русский порядок слов свободный, а логическое ударение может стоять на разных членах предложения. Но всегда ли это так?» И далее для наблюдений предлагаются пары *В городе паника* – *Паника в городе*; *На полке книги* – *Книги на полке*.

После того как студенты сформулировали закономерность, им для анализа и расстановки ударений был дан пример из Пушкина *«Везде высокие покои, / В гостиной штофные обои / Царей портреты на стенах, / И печи в пестрых изразцах»*.

В заключение лектор подводит итоги: «Теперь если все-таки возвращаться ко всей системе целиком, то можно сказать, что в русском синтаксисе на базе изолированного именительного падежа есть, как минимум, четыре синтаксических типа. Эти четыре типа разграничиваются не с точки зрения формы, а с точки зрения семантики, порядка слов, ударения, типа текста, в котором они функционируют. Если мы будем учитывать только форму (Именительный падеж) и наличие распространителей, как это делает школа, то мы многого не увидим. Мы сведем это многообразие к одной структурной схеме: так происходит в Академической грамматике, так – в учебнике под редакцией В.А. Белошапковой. Для некоторых предложно-падежных форм признается, что они могут быть сказуемыми, это типа *в панике, в ужасе, в страхе*. Только для некоторых, и только сказуемыми. Во всех остальных случаях именительный падеж рассматривается как

главный член предложения, как подлежащее с нулевой связкой или нулевым бытийным глаголом. При этом никого не интересует смысл предложения, его семантика, а ведь это самое интересное. От семантики существительного зависят функции именительного падежа, с семантикой подлежащего может быть связана его форма. Глагол не является обязательным компонентом предложения, предикативность может выражаться синтаксически, в этом, надеюсь, вы убедились, слушая сегодняшнюю лекцию».

В этой лекции объектно-ориентированный дискурс чередуется с фрагментами проблемно-дискуссионного дискурса. При этом лектор не только обсуждает научные дискуссии, имеющие место в современной лингвистической науке, но и моделирует дискуссионные ситуации во время лекции. Проблемно-дискуссионный взгляд на один и тот же объект соединяет научность и доступность устной научной речи, показывает объект в многомерном пространстве современной лингвистики, формирует методику многофакторного подхода к сложным синтаксическим объектам.

Литература

1. *Жанры речи* / В.Е. Гольдин (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.В. Дементьев, О.Б. Сиротина, М.Ю. Федосюк. Вып. 1. Саратов: «Колледж», 1997. 212 с.

2. *Жанры речи* / В.Е. Гольдин (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, М.Ю. Федосюк. Вып. 2. Саратов: «Колледж», 1999. 300 с.

3. *Жанры речи* / В.Е. Гольдин (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, М.Ю. Федосюк. Вып. 3. Саратов: «Колледж», 2002. 318 с.

4. *Жанры речи* / В.В. Дементьев (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, Н.Б. Рогачева, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: Наука, 2009. 440 с.

5. *Жанры речи* / В.В. Дементьев (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, Н.Б. Рогачева, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов: Наука, 2011. 351 с.

6. *Онипенко Н.К.* Введение в университетский курс «Синтаксис русского языка» // Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 111-135.

7. *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XXVIII-XX вв.* / Под ред. М.Н. Кожинной. В 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 1998. Ч.2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. 396 с.

8. *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2002. 236 с.

9. *Современная русская устная научная речь*. В 4-х т. / Под общей ред. О.А. Лаптевой. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 333 с. Т.2. Синтаксические особенности. М.: Филологический факультет МГУ, «Филология», 1994. 413 с. Т. 3. Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности. М: Филологический факультет МГУ, «Филология», 1995. 272 с.

References

1. ZHanry rechi [Genres of speech] / V.E. Gol'din (otv. red.), L.V. Balashova, V.V. Dement'ev, O.B. Sirotinina, M.YU. Fedosyuk. [V. E. Goldin (Res. ed.), L. V. Balashova, V. V. Dementiev, O. B. Sirotinina, M. Yu. Fedosyuk]. Issue. 1. Saratov: «Kolledzh» [College], 1997. 212 p.

2. ZHanry rechi [Genres of speech] / V.E. Gol'din (otv. red.), L.V. Balashova, V.V. Dement'ev, K.F. Sedov, O.B. Sirotinina, M.YU. Fedosyuk [V. E. Goldin (Res. ed.), L. V. Balashova, V. V. Dementiev, K. F. Sedov, O. B. Sirotinina, M. Yu. Fedosyuk]. Issue. 2. Saratov: «Kolledzh» [College], 1999. 300 p.

3. ZHanry rechi [Genres of speech] / V.E. Gol'din (otv. red.), L.V. Balashova, V.V. Dement'ev, K.F. Sedov, O.B. Sirotinina, M.YU. Fedosyuk [V. E. Goldin (Res. ed.), L. V. Balashova, V. V. Dementev, K. F. Sedov, O. B. Sirotinina, M. Yu. Fedosyuk]. Issue. 3. Saratov: «Kolledzh» [College], 2002. 318 p.

4. ZHanry rechi [Genres of speech] / V.V. Dement'ev (otv. red.), L.V. Balashova, V.E. Gol'din, V.I. Karasik, N.B. Rogacheva, K.F. Sedov, O.B. Sirotinina [V. V. Dementiev (resp. ed.), L. V. Balashova, V. Y. Gol'din, V. I. Karasik, N. B. Rogachev, K. F. Sedov, O. B. Sirotinina]. Issue. 6. ZHanr i yazyk [Genre and language]. Saratov: Nauka, 2009. 440 p.

5. ZHanry rechi [Genres of speech] / V.V. Dement'ev (otv. red.), L.V. Balashova, V.E. Gol'din, V.I. Karasik, N.B. Rogacheva, K.F. Sedov, O.B. Sirotinina [V. V. Dementiev (resp. ed.), L. V. Balashova, V. Y. Gol'din, V. I. Karasik, N. B. Rogachev, K. F. Sedov, O. B. Sirotinina]. Issue. 7. ZHanr i yazykovaya lichnost' [Genre and language personality]. Saratov: Nauka, 2011. 351 p.

6. Onipenko N.K. Vvedenie v universitetskij kurs «Sintaksis russkogo yazyka» [Introduction to the University course "Syntax of the Russian language"] // Vuzovskaya metodika prepodavaniya lingvisticheskikh disciplin: uchebnoe posobie [University methods of teaching linguistic disciplines: textbook]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. P. 111-135.

7. Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XXVIII-XX vv. [Sketches of history of scientific style of the Russian literary language of XVIII-XX centuries] / Pod red. M.N. Kozhinoj. V 3 t. T. 2. [Under the editorship of M. N. Kozhina. In 3 t. t. 2]. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry) [The stylistics of the scientific text (the General parameters)]. Perm': Izd-vo Perm. Un-ta [Publishing house Perm. UN-TA], 1998. CH.2. [Part 2]. Kategorii nauchnogo teksta: funkcional'no-stilisticheskij aspekt [Categories of scientific text: functional and stylistic aspect]. 396 p.

8. Salimovskij V.A. ZHany rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyj akademicheskij tekst) [Genres of speech in functional and stylistic lighting (scientific academic text)]. Perm': Izd-vo Perm. Un-ta [Publishing house Perm. UN-TA], 2002. 236 p.

9. Sovremennaya russkaya ustnaya nauchnaya rech'. V 4-h t. [Modern Russian oral scientific speech. In 4 t.] / Pod obshchej red. O.A. Laptevoj [under the General ed. O. A. Lapteva].. T. 1. [Vol.1]. Obshchie svojstva i foneticheskie osobennosti [General properties and phonetic features]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta [Krasnoyarsk University publ.], 1985. 333 p. T.2. [vol.2]. Sintaksicheskie osobennosti [Syntactic features]. M.: Filologicheskij fakul'tet MGU [faculty of Philology, Moscow state University], «Filologiya» ["Philology"], 1994. 413 p. T. 3. [vol.3]. Tekstovye, leksiko-grammaticheskie i slovoobrazovatel'nye osobennosti [Text, lexical-grammatical and word-formation features]. M: Filologicheskij fakul'tet MGU [faculty of Philology, Moscow state University], «Filologiya» ["Philology"], 1995. 272 p.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ /
DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL
PSYCHO-LINGUISTICS**

Зубкова Ю.В.

*студентка 2-го курса магистратуры
Института Иностранных Языков
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7
e-mail: yulyazubkova@yandex.ru*

**СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ PR-ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ
КОМПАНИЙ**

Статья посвящена способам реализации прагматического потенциала англоязычных PR-текстов международных компаний. Актуальность обозначенной проблематики обусловлена тем, что стратегии выражения прагматического потенциала остаются малоизученными и требуют более глубокого исследования, так как в условиях современной экономики, когда предложение значительно превышает спрос, а уровень конкуренции между организациями очень высок, именно прагматически насыщенные тексты помогают компании выделиться, привлечь новых клиентов и обойти своих конкурентов на рынке. Под прагматикой англоязычного PR-текста понимается его способность оказывать эффективное воздействие на реципиента. Выявлено, что существуют четыре основных стратегии реализации прагматических характеристик англоязычного PR-текста (стратегия логического убеждения, оценки, апеллирования к чувствам, оптимизации языковых средств), каждая из которых имеет ряд подстратегий. Все примеры, взятые из актуальных англоязычных PR-текстов международных компаний, иллюстрируют наполнение текстов сильнейшей прагматикой благодаря разнообразию стилистических

приемов. Также сделан вывод о том, что в ситуации добавления невербальной части к вербальной, его прагматический потенциал усиливается. Такие семиотически насыщенные тексты особенно популярны среди международных компаний потому, что позволяют избежать языкового барьера.

Ключевые слова: PR-текст, стратегия, подстратегия, прагматический потенциал, международная компания, воздействующий эффект.

Y. Zubkova

STRATEGIES FOR REALIZING THE PRAGMATIC POTENTIAL OF PR-TEXTS IN ENGLISH OF INTERNATIONAL COMPANIES

The article is devoted to the ways for realizing the pragmatic potential of PR-texts in English of international companies. The relevance of the stated issue is explained by the fact that strategies of filling the expression of the pragmatic potential remain poorly studied and require deeper research, as in the conditions of the modern economy, when the supply significantly exceeds the demand, and the level of competition between organizations is extremely high, it is the text with the well-composed pragmatic potential, that helps companies to stand out, attract new customers and outsell their competitors in the market. The ability of PR-texts to exert a psychological impact on a recipient is understood as the pragmatics of the PR-text in English. It was revealed that there are four main strategies for the implementation of the pragmatic characteristics of the PR-text in English (strategy of logical persuasion, evaluation, appeal to the senses, optimization of language means), each of which has a number of sub-strategies. All examples taken from relevant PR-texts in English of international companies demonstrate the filling of texts with the strongest pragmatics thanks to the diversity of stylistic devices. It was also found out that in a situation when a non-verbal part is added to the verbal part, the pragmatic potential of the text becomes stronger. Such semiotically rich texts are especially popular among international companies because they avoid the language barrier.

Keywords: PR-text, strategy, sub-strategy, pragmatic potential, international company, influential effect.

Введение

В современном мире жесткой конкуренции ни одна международная компания не сможет стать известной и успешно существовать на зарубежном рынке без международных связей с общественностью (Public Relations). Организации распространяют информацию о себе, своих товарах и услугах на международном рынке при помощи разных каналов связи, но их главное «оружие» в привлечении новых и удержании существующих зарубежных клиентов/партнеров – это англоязычный PR-текст. От того, насколько качественно он составлен, зависит, удастся ли компании привлечь внимание потенциальных потребителей и заинтересовать их в сотрудничестве или нет, поэтому разработка стратегий создания PR-текста на английском языке, которые способны оказать на реципиента выгодное для компании воздействие, является важной задачей современной психолингвистики, что определяет актуальность данной работы. Эффективность PR-текстов остается недостаточно изученной по многим причинам, среди которых хотелось бы отметить факт, что активизация PR-деятельности в России началась только с 1990-х гг. В зарубежной информационной психологии также долгое время преобладали теории, объясняющие закономерности управления индивидуальным поведением человека, а вопросы коллективной психологии оставались малоизученными [4, с. 1]. Цель данной статьи – изучить специальные стратегии создания PR-текстов международных компаний и проанализировать их воздействие на реципиентов.

Связи с общественностью (PR), PR-текст и его прагматический потенциал: сущностные характеристики

Прежде всего, обратимся к прояснению ключевых понятий. С. Блэк определяет термин «связи с общественностью» как способы достижения гармонии между организацией и ее клиентами при помощи взаимопонимания, основанного на предоставлении правдивой и полной информации [1, с. 30]. Предложенной дефиниции институт общественных отношений (IPR) дает более расширенное современное звучание, обращая внимание на то, что связи с общественностью – это, прежде всего, хорошо спланированные, долговременные действия, целью которых является установление и поддержание взаимовыгодных отношений и взаимопонимания между компанией и ее клиентами [3, с. 15]. Из приведенных определений следует, что в процессе проведения своей пиар-кампании организация может выполнять сразу несколько разнонаправленных задач, однако, у нее всегда будет одна и та же основная цель – как можно больше людей должны узнать о фирме и иметь положительное мнение о ней.

PR-текст международных компаний составляется на английском языке и является очень важным связующим звеном между компанией и ее зарубежными клиентами/партнерами, достаточно часто он становится единственной возможностью донести информацию об организации потенциальным потребителям в другой стране.

Он представляет собой некое сообщение, составленное таким образом, чтобы установить доверительные отношения с целевой

аудиторией, а также сформировать и поддержать выгодный компании имидж среди ее имеющих и потенциальных клиентов/партнеров

Английский язык предпочтителен в деловом общении, именно поэтому любая международная компания, в первую очередь, составляет PR-текст на английском языке, чтобы он был понятен зарубежным клиентам/партнерам.

При этом необходимо учитывать уровень владения английским языком у целевой аудитории при написании PR-текста, так как в тексте, предназначенном не для носителей языка лучше избегать использования сложных идиоматических выражений, распространенных предложений с причастными и деепричастными оборотами, то есть текст должен быть максимально простым с точки зрения употребляемой в нем лексики.

Грамотно составленный PR-текст оказывает сильнейшее воздействие на целевую аудиторию. Он сможет повысить узнаваемость бренда, скорректировать имидж, сформировать и закрепить у имеющих и потенциальных клиентов/партнеров положительное мнение о компании и вызвать у них желание сотрудничать именно с ней, а также повысить их лояльность. Такая способность PR-текста оказывать необходимое для компании воздействие на реципиентов называется прагматическим потенциалом.

Для того, чтобы добиться реализации прагматического потенциала в PR-тексте на английском языке и сделать его максимально эффективным с точки зрения взаимодействия с реципиентом и его последующей обратной реакции, автору необходимо придерживаться целого ряда правил.

Реализация прагматического потенциала англоязычных PR-текстов международных компаний

Анализ большого массива англоязычных PR-текстов позволил выделить четыре ключевые стратегии создания англоязычного PR-текста, позволяющие реализовать в нем необходимый для международной компании прагматический потенциал: стратегия логического убеждения; стратегия оценки; стратегия апеллирования к чувствам; стратегия оптимизации языковых средств. Комплексное использование данных стратегий, основанных на экстралингвистических факторах, помогает добиться планируемого результата – привлечь к компании внимание целевой аудитории, завоевать ее доверие и вызвать у нее желание сотрудничать именно с данной организацией. Более того, в каждой из перечисленных четырех стратегий следует выделить подстратегии, которые реализуются с помощью специальных лексико-стилистических и грамматических средств английского языка. Кратко их охарактеризуем.

Стратегия логического убеждения

В данной стратегии можно усмотреть такие подстратегии, как проспекция и создание логической цепочки. Проспекция заключается в фокусировании на ожидаемых результатах, когда желаемое преподносится как действительное. Для ее реализации в англоязычном PR-тексте используется конструкция со вспомогательным глаголом

«will», которая позволяет целевой аудитории помечтать и представить, какие преимущества они получат от сотрудничества с данной компанией. После такой конструкции обычно следует придаточное причины, которое поясняет, в чем заключается ценность товара/услуги/компании. Например, в анонсе международной компании-организатора мероприятий конструкция с «will» и придаточное предложение причины позволяют читателю представить, сколько всего интересного его ждет на форуме, и, в конечном итоге, ему непременно захочется туда пойти: «This year ECWATECH *will be an excellent opportunity to update your knowledge and share new unique approaches* especially in the field of water supply, water disposal and waste water processing *because it is the largest International Water Ecology and Technology Forum in Russia*» - «В этом году ЭКВАТЕК станет отличной возможностью усовершенствовать свои знания и поделиться новыми уникальными подходами, в особенности, в сфере водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод, так как он является крупнейшим Международным Водно-экологическим и Технологическим форумом»⁴ [10].

Кроме того, проспекция часто усиливается при помощи таких стилистических приемов, как перечисление, повтор, параллельные конструкции и градация.

Подстратегия «логическая цепочка» заключается в приведении целого ряда доводов, убеждающих потенциальных клиентов сотрудничать именно с этой организацией и никакой другой. Языковыми средствами выражения «логической цепочки» в англоязычном PR-тексте являются параллельные конструкции,

⁴ (Перевод и курсив здесь и далее мой. – Ю.В.)

лексический повтор, полисиндетон и градация. Например, в пресс-релизе на английском языке компании-организатора выставок автор создает логическую цепочку при помощи параллельных конструкций и градации: «InterCHARM is 17 onsite business and professional events, *over 500 new exhibitors, more than 5000* perfumery and cosmetics brands, 68 324 unique visitors» - «InterCHARM – это 17 бизнес и профессиональных мероприятий на площадке, более 500 новых экспонентов, более 5 000 парфюмерных и косметических брендов, 68 324 уникальных посетителей» [11]. Это позволяет автору оказать сильное воздействие на читателя. Реципиент начинает понимать, что выставка невероятно масштабная, популярная и успешная, ее ежегодно посещает огромное количество людей, и ему тоже непременно захочется побывать на ней.

Кроме того, в PR-тексте на английском языке сильное воздействие на аудиторию оказывает аргументация, представленная при помощи сложноподчиненных предложений с придаточными причины, цели, условия, образа действия, выражающими логические доводы. При помощи таких синтаксических конструкций автор сначала делает заявление о том, что компания, ее услуги и товары лучшие на международном рынке, расписывает все преимущества сотрудничества с данной организацией, а затем приводит доказательства этих фактов. В результате читатель на подсознательном уровне начинает доверять написанной информации и самой компании.

Стратегия оценки

Данная стратегия варьируется с подстратегией мифологизации, которая заключается в идеализации самой международной организации, а также ее товаров и услуг. Для ее реализации применяются такие стилистические приемы, как эпитет, метафора, сравнение и аллюзия. Они оказывают очень сильное воздействие на реципиента, представляя компанию с ее самой лучшей стороны и делая организацию максимально привлекательной для ее возможных клиентов. Перечисленные стилистические приемы помогают сформировать у целевой аудитории положительное мнение о компании и вызвать у нее желание начать/продолжить сотрудничество.

Например, в PR-тексте компании-производителя косметологического оборудования используется метафора: «The company is going to launch new innovative laser equipment which will become *the real sunshine in the darkness* for professionals from all over the world» - «Компания собирается запустить новое инновационное лазерное оборудование, которое станет «лучом света в темном царстве» для профессионалов со всего мира» [8]. В приведенном примере метафора несет в себе необходимый для международной организации прагматический потенциал - она помогает воздействовать на целевую аудиторию таким образом, что потенциальные и имеющиеся покупатели/партнеры начинают осознавать, что оборудование, которое готовится выпустить компания, по-настоящему уникально, и заслуживает их внимания.

Однако необходимо быть очень осторожным при использовании стилистических приемов. В частности, важно помнить, что аллюзии в англоязычных PR-текстах предназначены именно для зарубежных клиентов/партнеров и учитывать это в процессе создания текста, то есть важно учитывать то, на какую языковую личность направлен текст [7, с. 1].

Например, в интервью представитель компании-производителя современного оборудования для дома «BSH» использовал аллюзию: «We'll provide our clients with discounts every month. We are not Scrooges» - «Мы будем предоставлять скидки нашим клиентам каждый месяц. Мы не какие-то там Скруджи» [9].

Из-за разницы в менталитете, культуре и образовании далеко не все люди смогут понять, что автор ссылается на Скруджа Макдака (скупого и жадного героя из американского мультфильма) и пытается пошутить. Это связано с тем, что устойчивая система установок определяет внутренние механизмы динамики социальной направленности личности и способы интерпретации того или иного высказывания, а данная система установок различается у людей из разных стран [6, с. 195]. В результате, PR-текст не будет обладать прагматическим потенциалом и не сможет оказать на них планируемое воздействие, а значит, он не эффективен.

Таким образом, при использовании аллюзии в PR-тексте следует обращать особое внимание на то, в какой стране проживают потребители/партнеры, для которых составляется этот текст, чтобы избежать недопонимания и не вызвать у них негативную реакцию к компании.

Стратегия апеллирования к чувствам

В данной стратегии существенна подстратегия управления общественным сознанием. Для ее реализации используются разнообразные стилистические приемы, включающие эмоционально окрашенную лексику, неологизмы, идиомы и выражения, придающие особую экспрессивность.

Например, в PR-тексте международной компании-производителя современного оборудования для дома «BSH» эпитет и неологизмы играют важную роль: «The leading trade network which is called “BSH” developed its own new direction, demonstrating *record-breaking sales* and the launched equipment *caused a real wow-effect* in the market» - «Ведущая торговая сеть под названием «BSH» развивала свое собственное новое направление, демонстрируя рекордные продажи, а ее выпущенное оборудование вызвало настоящий «вау-эффект» на рынке» [7]. Выделенные стилистические приемы позволяют сделать PR-текст более ярким, интересным и придать ему особый шарм, что обязательно вызовет у реципиента положительные эмоции, мотивирует его дочитать текст до конца, и в результате, у него останется приятное впечатление и сложится хорошее мнение о компании. Более того, если читатель увидит в тексте какое-то креативное выражение, которое ему понравится, то есть большая вероятность, что он поделится им с друзьями, то есть благодаря такому PR-тексту активизируется «сарафанное радио», что очень выгодно для международной организации.

Стратегия оптимизации языковых единиц

В стратегии оптимизации языковых средств особо значима подстратегия визуализации, создающая дополнительный источник воздействия на реципиента, преобразуя PR-текст в креолизованный.

Под креолизованным текстом понимается особый современный феномен, в котором объединены вербальный и невербальный компоненты, образующие вместе одно визуальное, смысловое и структурное целое, с целью оказать комплексное воздействие на реципиента.

Креолизованные тексты, как правило, всегда легче и быстрее усваиваются реципиентами. Невербальная составляющая позволяет донести такую информацию, которую практически невозможно отразить в полном объеме при помощи вербализации (например, фотографии людей, местности). Более того, креолизованные тексты создают у реципиентов ощущение вовлеченности, что, безусловно, усиливает чувственные составляющие процесса коммуникации. Люди охотнее прочитают текст с иллюстрациями, чем без них. Его легче понять, в нем проще разобраться. Кроме того, креолизованные тексты всегда привлекают к себе внимание, а значит, они обладают большим потенциалом манипулятивных возможностей, что выгодно для международных компаний [5, с. 54].

При этом крайне важно правильно подобрать цвет, форму и размер изображения, так как сложные для понимания и слишком пестрые иллюстрации только оттолкнут реципиента. Иллюстрация может отражать все то, о чем сказано в тексте (в данном случае информация

будет обладать двойной силой), что-то добавить к содержанию текста или не соотноситься с тем, что написано в нем совсем (в данном случае изображение должно отвлечь читателей от содержания текста и переключить их внимание на что-то другое) [Там же, с. 53].

Выводы

Подводя итог, стоит сказать, что ведение успешной PR-деятельности на международном рынке невозможно без использования англоязычных PR-текстов. Любой эффективный PR-текст обладает прагматическим потенциалом, который способен затронуть чувства реципиента, вызвать необходимую эмоциональную реакцию и побудить его к выгодным для международной компании действиям.

Ключевые стратегии реализации прагматического потенциала PR-текстов на английском языке обладают высоким уровнем эффективности благодаря их комплексному использованию. При этом очень важно понимать, что тексты, составленные с применением данных стратегий, обладают двойственностью. С одной стороны, они могут привлечь внимание и расположить к себе реципиента, а с другой, оттолкнуть его, если они будут слишком перегружены стилистическими приемами, сложными конструкциями и оборотами, а изображение, приложенное к ним, окажется непонятным для целевой аудитории, поэтому необходимо соблюдать баланс.

Рассмотренные в статье стратегии реализации прагматического потенциала позволяют международным компаниям при помощи «магии слова» и использования такого экстралингвистического средства, как

добавление к PR-тексту визуального ряда, оказать воздействие на целевую аудиторию и максимально запомниться ей. Таким образом, данные ключевые стратегии реализации прагматического потенциала англоязычных PR-текстов помогают международным организациям привлечь зарубежных клиентов/партнеров и именно поэтому активно набирают популярность в настоящее время.

Литература

1. *Кривоносов А.Д.* Российская пиарология-6: тренды и драйверы. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 76 с.
2. *Кунина Ю.В.* Реализация прагматических стратегий англоязычных сетевых PR-текстов//Знание. Понимание. Умение. 2007. №4. С. 135-140.
3. *Ленькова И.А.* Лингвопрагматические особенности PR-текстов. Санкт-Петербург, 2011. 189 с.
4. *Мыскин С.В.* Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов//Организационная психолингвистика. 2018. №1. С. 2.
5. *Рябова М.Э., Вашунина И.В.* Функционирование зрительных образов в средствах массовой коммуникации//Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2016. № 2. С. 50-54.

6. *Рябова М.Э.* Философия и перевод: между интерпретацией и пониманием//Личность. Культура. Общество. 2016. № 1-2 (89-90). С. 193-200.

7. *Рябова М.Э.* Языковая личность блогера в современной коммуникации//Организационная психолингвистика. 2018. №1. С. 1-3.

Источники примеров

8. BR Pharm Co “New Equipment Launch” June 5, 2018. URL: <http://www.intercharm.ru/ru/Uchastniki/4746194/BR-Pharm-Co-Ltd> (date of access: 01.09.2018)

9. BSH Hausgerate GmbH PR-text “BSH. Results in Fiscal Year 2017. How we became the leaders and outsold our competitors”. April, 19, 2018. URL: <https://www.bsh-group.com/news/publications> (date of access: 11.11.2018)

10. ECWATECH Exhibition-Forum Press Release of September 25, 2018 URL: http://www.ecwatech.ru/ecwatech_media/ (date of access: 10.11.2018)

11. InterCHARM 2017. Summary/Press Release of November 3, 2017 http://www.intercharm.ru/RXRU/RXRU_Intercharm/documents/ICH%202017/InterCHARM2017-Release-Gen-RU.pdf?v=636458198262000300 (date of access: 11.11.2018)

References

1. *Krivososov A.D.* Rossijskaja piarologija-6: trendy i drajvery. SPb.: Izd-vo SPbSU, 2018. pp. 76.
2. *Kunina Y.V.* Realizacija pragmaticeskikh strategij anglojazycznych setevyh PR-tekstov//Znanie. Ponimanie. Umenie. 2007. №4. pp. 135-140.
3. *Lenkova I.A.* Lingvopragmaticheskie osobennosti PR-tekstov. Sankt-Peterburg, 2011. pp. 189.
4. *Myskin S.V.* Organizacionno-psihologicheskij analiz professional'nogo soznanija rabotnikov sovremennyh trudovyh kollektivov//Organizacionnaja psiholingvistika. 2018. №1. pp. 1-2.
5. *Rjabova M.E, Vashunina I.V.* Funkcionirovanie zritel'nyh obrazov v sredstvah massovoj kommunikacii//Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija: Chelovek v sovremennom mire. 2016. № 2. pp. 50-54.
6. *Rjabova M.E.* Filosofija i perevod: mezhdru interpretaciej i ponimaniem//Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2016. № 1-2 (89-90). pp. 193-200.
7. *Rjabova M.E.* Jazykovaja lichnost' blogera v sovremennoj kommunikacii//Organizacionnaja psiholingvistika. 2018. №1. pp. 1-3.

Sources of examples

8. BR Pharm Co “New Equipment Launch” June 5, 2018. URL: <http://www.intercharm.ru/ru/Uchastniki/4746194/BR-Pharm-Co-Ltd> (date of access: 01.09.2018)

9. BSH Hausgerate GmbH PR-text “BSH. Results in Fiscal Year 2017. How we became the leaders and outsold our competitors”. April, 19, 2018. URL: <https://www.bsh-group.com/news/publications> (date of access: 11.11.2018)
10. ECWATECH Exhibition-Forum Press Release of September 25, 2018 URL: [http://www.ecwatech.ru/ecwatech media/](http://www.ecwatech.ru/ecwatech_media/) (date of access: 10.11.2018)
11. InterCHARM 2017. Summary/Press Release of November 3, 2017 http://www.intercharm.ru/RXRU/RXRU_Intercharm/documents/ICH%202017/InterCHARM2017-Release-Gen-RU.pdf?v=636458198262000300 (date of access: 11.11.2018)

Об авторах

Григорьев Андрей Александрович

доцент, доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Лаптева Екатерина Михайловна

кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Захарова Мария Валентиновна

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (Россия)

Мыскин Сергей Владимирович

доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», автор и основатель научной школы «Организационная психолингвистика» (Россия)

Лычагина Диана Владимировна

кандидат медицинских наук, заведующая 2-м неонатальным отделением Перинатального центра ГБУЗ ГKB № 24 ДЗМ

Ярыгина Елена Сергеевна

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Зубкова Юлия Витальевна

студентка 2-го курса магистратуры Института иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Информация для авторов

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

- 10.00.00 Филологические науки
- 19.00.00 Психологические науки

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@sh-technology.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков,

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов

(терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы курсивом или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — *И.И.*).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (*если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания*). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (*если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы*). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100.

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными

файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlst (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именовываются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- при наличии идентификатор ORCID (подробнее тут: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация

1) **Информация о конфликте интересов.** Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

2) Необходимо указать источники финансирования научной работы.

3) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.

4) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ! Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях.

- Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.

- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.

- Наличие всех сопроводительных документов.

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. МЫСКИН

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,

129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

Москва, Россия

myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова

канд. психол. наук, заместитель директора,

Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,

129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

Москва, Россия

kharlamovasg@mgpu.ru

Специфика организации профориентации и профессиональной адаптации лиц с выраженными психофизическими нарушениями в условиях образовательной организации

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

Specificity of the organization of vocational guidance and professional adaptation of persons with severe psychophysical disorders in the conditions of the educational organization

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к ограничению их социальных контактов, замкнутости семьи, обострению внутрисемейных конфликтов /.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».

Тираж 500 экз.

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (925) 465-55-81.

www.sh-technology.ru